

Октябрь 1917

Начало мировой революции

...Революция 1917 года является наиболее грандиозным свершением угнетенных масс, попытавшихся свергнуть режим, который низводил их до положения рабочей скотины в экономике и пушечного мяса в войнах между капиталистическими державами. Это событие положило начало мировому революционному подъему...

Октябрь 1917

Начало мировой революции

...Революция 1917 года является наиболее грандиозным свершением угнетенных масс, попытавшихся свергнуть режим, который низводил их до положения рабочей скотины в экономике и пушечного мяса в войнах между капиталистическими державами. Это событие положило начало мировому революционному подъему...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Пролетарская Октябрьская революция 1917 года – результат сознательной деятельности трудящихся масс</i>	6
Развитие движения с февраля по октябрь 1917 года	6
Завоевание Советов пролетариатом	21
<i>Октябрьское восстание: победа рабочих масс</i>	35
<i>Важнейшая роль партии</i>	52
Апрельские тезисы – путеводный луч пролетарской революции	53
Июльские события: партия срывает провокацию	66
<i>Пролетарская революция может восторжествовать, лишь охватив всю планету</i>	77

Сайт ИКТ:

world.internationalism.org

E-mail ИКТ для писем на русском языке:

russia@internationalism.org

Почтовый адрес ИКТ для писем на русском языке:

Postfach 2216
8026 Zürich
Switzerland

Октябрь 1917. Начало мировой революции. — М., 2013. — 96 с.

На основании исторических фактов, подкрепляя свои выводы марксистской теорией, Интернациональное коммунистическое течение (ИКТ) убедительно доказывает, что Октябрьская революция 1917 года была делом рабочих и всех трудящихся. Пролетарский Октябрь положил начало мировому революционному подъему, остановить который буржуазия смогла лишь посредством массовых репрессий и жестоких убийств. Убедительно показано, что сталинизм является не продолжением дела Октября, а его отрицанием – внутренней контрреволюцией, которая под вывеской «социализма» установила в СССР режим государственного капитализма.

Предисловие

На сегодняшний день революция 1917 года является наиболее грандиозным свершением угнетенных масс, попытавшихся свергнуть режим, который низводил их до положения рабочей скотины в экономике и пушечного мяса в войнах между капиталистическими державами. Это событие положило начало мировому революционному подъему, ставшему ответом на Первую мировую войну. Чтобы сделаться хозяевами собственной судьбы и приступить к строительству нового общественного устройства, коммунистического, без эксплуатации, нищеты, войн, классов и государств, – миллионы пролетариев, увлекшие за собой все угнетенные слои общества, сумели преодолеть атомизацию, сознательно объединиться, стали действовать коллективно, как единая сила. Впервые в истории пролетариату удалось прийти к власти в целой стране.

В борьбе с ним буржуазия смогла сплотить свои национальные фракции, которые еще накануне сражались друг с другом на фронтах Первой мировой войны, и подавить в зародыше мировую революцию, пока она не успела добиться успеха в разных странах. В частности, потерпел поражение рабочий класс Германии, который представлял собой центр мирового промышленного пролетариата. Не допустив широкого выхода революционного процесса за пределы России, буржуазия направила его по пути перерождения, и пролетариат постепенно стал утрачивать политическую власть. Таким образом, класс капиталистов способствовал установлению в России сталинизма – проводника контрреволюции, утвердившегося путем систематического и массового подавления рабочего класса и уничтожения тех большевиков, которые сыграли важнейшую роль в Октябре 1917 года.

Эта первая попытка мировой революции является для рабочего класса источником важнейшего опыта, его бесценным историческим наследием, необходимым для подготовки к будущим революционным битвам.

Ничто не приводит эксплуататоров в такое бешенство, как бунт эксплуатируемых. Восстания рабов при Римской империи и крестьян при феодализме всегда подавлялись с беспощадной жестокостью. Выступление рабочих против капитализма является еще более дерзким вызовом правящему классу, потому что пролетариат выступает под знаменем нового общественного устройства, подлинно коммунистического общества, которое освободит человечество от бедствий, присущих всем классовым формациям, включая капитализм. Поэтому правящему классу недостаточно просто подавить революционные выступления пролетариата и потопить их в крови, хозяева жизни также пыта-

ются всячески извратить и дискредитировать историческую правду о революционных восстаниях пролетариата.

С этой целью помимо откровенных репрессий буржуазия использует идеологическую ложь и клевету; она является инициатором величайшего обмана в истории, утверждая, будто сталинизм – продолжатель политического режима, созданного в результате революции 1917 года в России. Из этого вытекает и ложь о том, что во всех странах, подпавших впоследствии под контроль СССР, также якобы были установлены «коммунистические» режимы. Все фракции буржуазии, от «компартий» на правом фланге до социал-демократов и троцкистского течения, которое во время второй мировой войны отреклось от пролетарского интернационализма, вносили с конца 1920-х гг. свой вклад в эту мистификацию. Остужающие идеологические кампании буржуазии, которые после краха сталинистских режимов в начале 1990-х гг. обливали грязью рабочее движение, его звездный час (Октябрь 1917-го), его революционные организации (партию большевиков) и его выдающихся деятелей (Маркса, Ленина), вдохнули новую жизнь в этот обман с целью (отчасти достигнутой) ослабить классовую сознательность пролетариата.

И все же буржуазии не удалось уничтожить эту сознательность полностью, и сегодня на фоне углубления кризиса, наступления на рабочий класс, все более зримых проявлений банкротства капитализма возобновляются попытки революционных меньшинств возродить славные классовые традиции. Самая грубая ложь буржуазии не устоит перед их вопросами и поисками правды. Вот почему в нашей брошюре мы не станем подробно останавливаться на такой очевидной вещи, как сущность сталинизма, который не только не находился в русле преемственности с революционным движением, но напротив, стал его главным могильщиком¹. Издавая этот сборник статей, основанный на опубликованных ранее материалах в нашем журнале «Ревю энтернасьональ», мы ставим перед собой цель ответить на ряд вопросов и развеять некоторые сомнения, которые периодически возникают, когда заходит речь об Октябрьской революции:

- Было ли Октябрьское восстание большевистским переворотом или осуществлением воли советов?

- Совершил ли рабочий класс революцию, слепо повинаясь воле большевиков, или же Октябрь стал кульминацией подлинного массового движения рабочего класса?

- Как объяснить рост влияния партии большевиков в рабочем классе? Правда ли, что рабочие постепенно уступили взятую ими власть этой партии, которая их обманывала? Или же большевистский аван-

¹ Интересующимся данным вопросом рекомендуем прочитать наши брошюры «Сталинский террор: преступление капитализма, а не коммунизма» и «Крах сталинизма», а также наш манифест «Коммунистическая революция или уничтожение человечества».

Октябрь 1917 – начало мировой революции

гард действительно отстаивал непосредственные и исторические интересы пролетариата, в отличие от всех остальных партий (в том числе называвших себя рабочими), которые были сторонниками продолжения войны и защиты национального капитала?

- Мог ли пролетариат после того, как в феврале 1917 года привел к власти буржуазные силы, взять власть в октябре без поддержки какой-либо партии вообще?

- Как объяснить перерождение пролетарской революции 1917 года? Было ли оно заранее прописано в программе большевиков, содержался ли в ней в скрытом виде сталинистский проект? Или же причиной стала международная изоляция пролетарского бастиона в рамках одной страны?

Пролетарская Октябрьская революция 1917 года – результат сознательной деятельности трудящихся масс

В 1914 году «добродееи» из правительств, короли, политики и военные – охранители общественной системы, вступавшей в период упадка, привели мир к катастрофе Первой мировой войны: более 20 миллионов погибших, невиданные дотоле разрушения, карточная система, дестабилизация и голод в тылу; смерть, безжалостность военной дисциплины, беспредельные страдания на фронте. Вся Европа погрузилась в хаос и варварство – промышленность и инфраструктура были развалены, историческим памятникам причинен значительный ущерб...

Поддавшийся поначалу яду патриотической пропаганды и «демократической» лжи, скованный предательством большинства социал-демократических партий и профсоюзов, международный пролетариат с конца 1915 года начал противиться военному варварству. В России, Австрии, Германии и других странах происходили забастовки, голодные бунты, антивоенные манифестации. На фронте, особенно в русской и немецкой армиях, вспыхивали мятежи, началось массовое дезертирство и братания между солдатами воюющих сторон. Во главе движения стали интернационалисты: большевики, спартаковцы, все левые из II Интернационала. Они с самого начала войны без устали обличали ее как империалистический грабеж, как проявление общего упадка капитализма, и подавали пролетариату всего мира сигнал о том, что пора выполнить свою историческую миссию – совершить мировую социалистическую революцию.

Развитие движения с февраля по октябрь 1917 года

В авангарде этого интернационального движения, которому предстояло положить конец войне и открыть пути к мировой революции, стояли рабочие Российской империи, проводившие с 1915 года забастовки с экономическими требованиями, неизменно жестоко подавлявшиеся. И все-таки движение ширилось: 9 января 1916 года (годовщина начала первой революции в России) была отмечена массовыми рабочими стачками. На протяжении всего года не прекращались забастов-

ки, сопровождаемые митингами, дискуссиями, столкновениями с полицией.

Революция в России – первый мощный подъем интернационального пролетарского движения против мировой войны

«К концу 1916 года цены растут скачками. К инфляции и расстройству транспорта присоединяется прямой недостаток товаров. Потребление населения сократилось к этому времени более чем наполовину. Кривая рабочего движения круто поднимается вверх. С октября борьба входит в решительную стадию, соединяя все виды недовольства воедино: Петроград берет разбег для февральского прыжка. По заводам прокатывается полоса митингов. Темы: продовольствие, дороговизна, война, правительство. Распространяются большевистские листки. Открываются политические стачки. По выходе с заводов происходят импровизированные демонстрации. Наблюдаются случаи братанья отдельных заводов с солдатами. Вспыхивает бурная стачка протеста против суда над революционными матросами Балтийского флота. [...] Настроение напряженное, металлисты впереди, рабочие все больше чувствуют, что отступления нет. На каждом заводе выделяется активное ядро, чаще всего вокруг большевиков. Забастовки и митинги идут непрерывно в течение первых двух недель февраля. 8-го на Путиловском заводе полицейские подверглись “граду железных обломков и шлака”, 14-го, в день открытия Думы, бастовало в Петербурге около 90 тысяч. Несколько предприятий остановилось и в Москве. 16-го власти решили ввести в Петрограде карточки на хлеб. Это новшество ударило по нервам, 19-го возле продовольственных лавок скопилось много народу, особенно женщин, все требовали хлеба. Через день в некоторых частях города произошел разгром булочных. Это были уже зарницы восстания, разразившегося через несколько дней»².

Массовое движение

Таковы последовательные этапы социального процесса, который многим рабочим сегодня представляется утопическим: превращение трудящихся из порабощенной, раздробленной массы в единый класс, действующий словно один человек и способный вступить в революционную борьбу, как показали события 22-27 февраля 1917 года.

«Рабочие являются с утра на заводы, не приступая к работе, открывают митинги, затем начинаются шествия к центру. В движение стяги-

² Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 68-70.

ваются новые районы и новые группы населения. Лозунг: “Хлеба” отеснен или перекрыт лозунгами: “Долой самодержавие” и “Долой войну”. Непрерывные демонстрации на Невском проспекте. [...] Под флагом “женского дня” 23-го февраля началось долго зревшее и долго сдерживавшееся восстание петроградских рабочих масс. Первой ступенью восстания была стачка. В течение трех дней она ширилась и стала почти всеобщей. Это одно придавало массе уверенность и несло ее вперед. Стачка, принимая все более наступательный характер, сочеталась с демонстрациями, которые сталкивали революционную массу с войсками. [...] Масса не хочет больше отступать, она сопротивляется с оптимистической яркостью, остается на улице даже после убийственных залпов. [...] “Не стреляй по братьям и сестрам!” – кричали рабочие и работницы. И не только это: “Иди с нами!” Там, на улицах и площадях, у мостов, у казарменных ворот шла непрерывная, то драматическая, то незаметная, но всегда отчаянная борьба за душу солдата. [...] Рабочие не сдаются, не отступают, под свинцом хотят добиться своего. И с ними работницы, жены, матери, сестры, возлюбленные. Да ведь это же и есть тот самый час, о котором так часто говорилось шепотом по углам: “Если бы всем вместе...”»³.

Правящие классы не могли в это поверить, они полагали, что происходит мятеж, который угаснет после показательного наказания. Но полный провал террористических акций со стороны небольших элитных отрядов под командованием жандармских полковников выявляет истинную суть движения: «Революция кажется предприимчивым на словах полковникам беззащитной. [...] Стоит, кажется, занести над всем этим хаосом саблю, и все брызнет по сторонам без остатка. Но это была грубая ошибка зрения. Хаос только кажущийся. Под ним идет непреодолимая кристаллизация масс по новым осям»⁴.

Разорвав цепи покорности и страха, рабочие больше не желают отступать, а чтобы не двигаться вперед вслепую, они по опыту 1905 года создают советы, органы всего борющегося класса. Однако влияние в советах на первых порах захватывают меньшевики и эсеры (так называемые «социалисты-революционеры»), поддержавшие империалистическую войну и тем самым перешедшие в лагерь буржуазии. Это позволило буржуазии создать Временное правительство, состоящее из таких хорошо известных деятелей, как Милюков, Родзянко, Керенский.

Первой заботой правительства было убедить рабочих «возвратиться к нормальной жизни», «оставить свои мечтания», сделаться покорной, пассивной, атомизированной массой, которая нужна буржуазии, чтобы обделять свои делишки и продолжать войну. Однако рабочие не поддались на эти увещания. Они хотели жить и проводить свою

³ Там же, с. 122, 129, 132, 133, 141.

⁴ Там же, с. 147, 148.

собственную политику, неразрывно сплотив борьбу за свои непосредственные интересы и за общий интерес. Так в ответ на сопротивление буржуа, меньшевиков и эсеров, по мнению которых, «главное работать и ничего не требовать, потому что теперь у нас политическая свобода», – рабочие потребовали введения восьмичасового рабочего дня, чтобы этой «свободой» пользоваться, чтобы иметь время собираться, читать, дискутировать, общаться со своими товарищами по классу: «После падения самодержавия вновь поднялась забастовочная волна. На каждом заводе, в каждом цеху, не дожидаясь подписания соглашений, выдвигали требования о зарплате и рабочем дне. Конфликты ширились изо дня в день и усложнялись в атмосфере борьбы»⁵.

18 апреля либеральный министр Милюков, представитель партии кадетов (конституционных демократов) во Временном правительстве, опубликовал провокационную ноту, в которой подтвердил готовность России выполнить свои обязательства перед союзниками, то есть ее дальнейшее участие в империалистической войне. Рабочие и солдаты отреагировали немедленно: начались стихийные демонстрации, цеховые, полковые и районные собрания: «Возбуждение, поднятое в городе, однако, не входило в берега. Собирались толпы, шли митинги, на перекрестках спорили, в трамваях делились на сторонников и противников Милюкова. [...] Всколыхнулся не только Петроград. В Москве рабочие бросали станки, солдаты выходили из казарм, заполняя улицы бурными протестами»⁶.

20 апреля состоялась грандиозная манифестация с требованием отставки Милюкова. Буржуазии пришлось отказаться от своих планов ведения войны. Май отмечен лихорадочной организационной деятельностью. Забастовок и демонстраций происходило меньше, но это не означало спада движения. Напротив, оно развивалось и ширилось, ибо рабочие занялись той стороной его, которой прежде уделяли недостаточно внимания, – массовой организацией. Советы возникали по всей России, и с ними множество разнообразных народных органов: фабзавкомы (фабрично-заводские комитеты), крестьянские, районные и солдатские комитеты. В них массы объединялись, спорили, размышляли, принимали решения. Видя это, пробуждались самые отсталые слои рабочих: «Прислуга, с которой прежде обращались как с животными и которой почти ничего не платили, обрела чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь... Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петро-

⁵ Панкратова А.М. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.-Л., 1927.

⁶ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 334, 340.

градском Совете. Лакеи и официанты организовались и отказались от чаевых»⁷.

Рабочих и солдат начали утомлять вечные обещания Временного правительства; у них вызывала недовольство поддержка, которую оказывали правительству так называемые социалисты: меньшевики и эсеры. Трудящиеся видели, как ухудшается снабжение продовольствием, растёт безработица, начинается голод, а на вопросы о мире и земле власть предержажая отвечает лишь пафосными речами. Неудовлетворенные политикой мелкой буржуазии, труженики начинали понимать, что в конечном итоге отвечает их интересам: требование передачи всей власти советам выдвигалось все более широкими рабочими массами⁸.

Июнь стал месяцем интенсивной политической агитации, вылившейся в вооруженное выступление рабочих и солдат Петрограда 4-5 июля: «На первое место выступили заводы. [...] Где руководители колеблются или противодействуют, рабочая молодежь заставляет дежурного члена завкома давать гудок для прекращения работ. [...] Бастовали все заводы, шли митинги. Выбирали руководителей демонстрации и делегатов для предъявления требований Исполнительному комитету»⁹.

Однако июльские выступления обернулись для трудящихся горечью поражения. Ситуация еще не созрела для взятия власти, поскольку солдаты не до конца солидаризировались с рабочими, крестьяне еще доверяли эсерам, а провинция отставала от столицы.

В августе и сентябре, в обстановке усиления репрессий со стороны буржуазии, рабочим пришлось на практике преодолевать вставшие перед ними препятствия, не следуя заранее разработанному плану действий, а в «океане инициатив», в борьбе и спорах о советах. Движение зримо и ощутимо обретало сознательность. Вскоре рабочие и солдаты на деле объединились: «Возник феномен осмоса, и именно в Петрограде. Когда волнения охватили Выборгский район, полки в столице также пришли в движения. Рабочие и солдаты взаимно влияли друг на друга. И они привыкли выходить на улицу, чтобы выразить свои чувства. Улица принадлежала им. Никакая сила, никакая власть не могла в тот момент запретить им отстаивать свои требования или петь во всю глотку революционные песни»¹⁰.

Нанеся трудящимся поражение в июле, буржуазия на мгновение поверила, что «кошмар» окончился. Ее интересы отстаивали как «демократический» блок Керенского, так и откровенно реакционный блок под руководством главнокомандующего Корнилова. Последний устро-

⁷ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 35.

⁸ Двумя месяцами ранее, когда Ленин впервые выдвинул это требование в своих знаменитых «Апрельских тезисах», даже в рядах партии большевиков многие отвергали его как абстрактное и утопическое.

⁹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 38.

¹⁰ Soria G. Les 300 jours de la revolution russe. P., 1967.

ил путч, опираясь на полки казаков, черкесов и др., на верность которых, казалось, мог рассчитывать.

Но попытка его с треском провалилась. Массовый отпор со стороны рабочих и солдат, их решительное объединение вокруг Комитета защиты революции – который под контролем Петроградского совета позднее был преобразован в Военно-революционный комитет – привели к тому, что войска Корнилова либо сдались без сопротивления, либо перешли на сторону рабочих и солдат, причем так поступило большинство из них.

«Заговор велся теми кругами, которые ничего не привыкли и не умеют делать без низов, без рабочей силы, без пушечного мяса, без денщиков, прислуги, писарей, шоферов, носильщиков, кухарок, прачек, стрелочников, телеграфистов, конюхов, извозчиков. Между тем все эти маленькие человеческие винтики, незаметные, бесчисленные, необходимые, были за советы и против Корнилова. [...]

Идеал военного воспитания состоит в том, чтобы солдат действовал за глазами начальства так же, как и на глазах его. Между тем русские солдаты и матросы 1917 года, не выполнявшие официальных приказов и на глазах командиров, с жадностью подхватывали приказы революции на лету, а еще чаще – выполняли их по собственной инициативе прежде, чем они до них доходили. [...]

Дело шло для них [масс] не о защите правительства, а об обороне революции. Тем решительнее и беззаветнее была их борьба. Отпор мятежу вырастал из рельс, из камней, из воздуха. Железнодорожники станции Луга, куда прибыл Крымов, упорно отказывались двигать воинские поезда, ссылаясь на отсутствие паровозов. Казачьи эшелоны оказались сейчас же окружены вооруженными солдатами из состава двадцатитысячного лужского гарнизона. Военного столкновения не было, но было нечто более опасное: соприкосновение, общение, взаимопроникновение»¹¹.

Сознательное движение

Буржуа воспринимают рабочие революции как акты коллективного помешательства, ужасающий хаос, который заканчивается катастрофой. Буржуазная идеология не может допустить, что эксплуатируемые способны действовать самостоятельно. Коллективное, солидарное и сознательное действие трудящегося большинства – подобные понятия буржуазная мысль считает противоестественной утопией («естественна» для буржуазии война всех против всех и манипуляция массами людей со стороны элит).

¹¹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 210, 217.

«Во всех прошлых революциях на баррикадах дрались рабочие, подмастерья, отчасти студенты, на их сторону переходили солдаты, а власть прибирала затем к рукам солидная буржуазия, осторожно наблюдавшая баррикады через окно. Но Февральская революция 1917 года отличалась от прежних революций несравненно более высоким социальным характером и политическим уровнем революционного класса, враждебным недоверием восставших к либеральной буржуазии и возникновением в силу этого в самый момент победы нового органа революционной власти – Совета, опирающегося на революционную силу масс»¹².

Этот абсолютно новый характер революции соответствовал самому существу пролетариата, класса одновременно угнетенного и революционного, который может освободиться, лишь обретя способность действовать коллективно и сознательно.

Революция в России – не просто естественное порождение исключительных объективных условий. *Она также является результатом коллективного обретения сознательности.* В усвоенных ею уроках, в ее идеях, лозунгах, памяти нашел отражение опыт прежней борьбы пролетариата, Парижской Коммуны 1871 года и революции 1905-го, других политических битв рабочего движения, Союза коммунистов, I и II Интернационалов, циммервальдских левых, спартаковцев и партии большевиков. Эта революция, бесспорно, стала ответом на войну, голод и варварство агонизирующего царизма – *но ответом сознательным*, руководствовавшимся исторической и мировой преемственностью пролетарского движения.

Это нашло конкретное проявление в огромнейшем опыте рабочих России, которые пережили мощный подъем борьбы в 1898 и 1902 гг., революцию 1905 года, битвы 1912-1914 гг. и создали большевистскую партию, более левую, чем партии II Интернационала. «Нужна была не масса вообще, а масса петроградских и вообще русских рабочих, прошедших через революцию 1905 года, через московское восстание декабря 1905 года, разбившееся о гвардейский Семеновский полк; нужно было, чтобы в этой массе рассеяны были рабочие, продумывавшие опыт 1905 года, критиковавшие конституционные иллюзии либералов и меньшевиков, усвоившие себе перспективу революции, задумывавшиеся десятки раз над вопросом об армии»¹³.

Более чем за 70 лет до революции 1917 года Маркс и Энгельс писали: «Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹⁴.

¹² Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 1. С. 174-175.

¹³ Там же. С. 164-165.

¹⁴ Маркс К., Энгельс В. Немцкая идеология // Сочинения. Т. 3. М., 1955.

Этот тезис в полной мере подтверждает революция 1917 года: *движение само дает материал для самообразования масс*. «Революция учит, и притом быстро. В этом ее сила. Каждые два месяца создавали эпоху. В конце февраля – восстание. К концу апреля – выступление вооруженных рабочих и солдат в Петрограде. В начале июля новое выступление, в гораздо более широком масштабе и под более решительными лозунгами. В конце августа – корниловская попытка переворота, отбитая массами. В конце октября – завоевание власти большевиками. Под этим поражающим своей правильностью ритмом событий происходили глубокие молекулярные процессы, сплачивавшие разнородные части рабочего класса в одно политическое целое»¹⁵.

«Вся Россия училась читать и действительно *читала* книги по политике, экономике, истории – читала потому, что люди хотели *знать*... Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду... Затем – слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним "потоп французской речи", о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи – в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов – кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду... Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...»¹⁶.

Буржуазная «демократия» много говорит о «свободе слова», в то время как опыт учит нас, что для буржуазии это – манипуляции, спектакль и промывание мозгов. *Подлинную свободу слова завоевывают в революционной борьбе рабочие массы*: «На каждом заводе, в каждом цеху, в каждой роте, в каждой чайной, в военном лазарете, на этапном пункте, даже в обезлюженной деревне шла молекулярная работа революционной мысли. Везде были свои истолкователи событий, главным образом из рабочих, у которых справлялись, что слышно, от

¹⁵ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 403.

¹⁶ Рид Дж. Ук. соч. С. 35-36.

которых ждали нужного слова. Эти вожаки часто были предоставлены самим себе, питались обрывками революционных обобщений, доходивших до них разными путями, сами вычитывали из либеральных газет что им было нужно между строк. Их классовый инстинкт был изощрен политическим критерием, и если не все свои идеи они доводили до конца, зато мысль их неизменно и упорно работала в одном и том же направлении. Элементы опыта, критики, инициативы, самоотвержения пронизывали массу и составляли внутреннюю, недоступную поверхностному взгляду, но тем не менее решающую механику революционного движения как сознательного процесса»¹⁷.

Эти размышления, это осознание показало: «Практикуемая в отношении всех рабочих материальная и духовная несправедливость, бесчеловечная эксплуатация, жалкая заработная плата, чрезмерный труд, наносимый здоровью работающих беспредельный вред, изощренная система штрафов, неуважение и оскорбление человеческого достоинства трудящихся капиталистами и мастерами – вся эта охватывавшая рабочего сеть разрушительных и позорных условий труда, весь этот ад, который представляет собою повседневная судьба пролетариата под игом капитала, вдруг вышли на дневной свет из полутьмы того общественного дна, где миллионы рабочих живут, трудятся и страдают, словно слепые кроты»¹⁸.

Тем самым революция 1917 года являет нерасторжимое единство политической и экономической борьбы: «Каждый подъем политической деятельности оставляет по себе плодородный ил, питающий тысячи новых ростков – экономические требования. И наоборот, непрерывная экономическая война, которую рабочие ведут с капиталом, поддерживает в них энергию борьбы даже в периоды политического спокойствия; она служит своего рода неисчерпаемым резервуаром энергии, позволяющим всегда находить свежие силы для политической борьбы; и в то же время неуклонное отстаивание требований выливается то здесь, то там в острые конфликты, на почве которых вспыхивают настоящие политические сражения»¹⁹.

Подобный рост сознательности в июне-июле привел рабочих к убеждению, что им *не следует растрачивать свою энергию на множество мелких экономических конфликтов, а нужно сосредоточить все силы на революционной борьбе*. Это означало не отказ от отстаивания прежних требований, просто из них делались определенные политические выводы: «Солдаты и рабочие считали, что от разрешения вопроса о том, кто будет дальше править страной, буржуазия или их собствен-

¹⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 165.

¹⁸ Люксембург Р. В революционный час: что дальше? // Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 121.

¹⁹ Люксембург Р. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев, 1906.

ные советы, зависят все другие вопросы: и о заработной плате, и о цене на хлеб, и о том, придется ли погибать на фронте неведомо за что»²⁰.

Кульминационным пунктом подобного развития сознательности рабочих масс стало октябрьское восстание. Вот как описывает Троцкий то, что происходило накануне: «У масс была потребность держаться вместе, каждый хотел проверять себя через других. И все внимательно и напряженно следили за тем, как одна и та же мысль поворачивалась в их сознании разными своими оттенками и чертами. Бесконечные толпы стояли у цирков и других больших помещений, где выступали наиболее популярные большевики с последними выводами и последними призывами. [...] Но неизмеримо более действительной являлась в этот последний период перед переворотом та молекулярная агитация, которую вели безыменные рабочие, матросы, солдаты, завоеывая единомышленников поодиночке, разрушая последние сомнения, побеждая последние колебания. Месяцы лихорадочной политической жизни создали многочисленные низовые кадры, воспитали сотни и тысячи самородков, которые привыкли наблюдать политику снизу, а не сверху. [...] Масса уже не терпела в своей среде колеблющихся, сомневающихся, нейтральных. Она стремилась всех захватить, привлечь, убедить, завоевать. Окопы связывались с рабочими и крестьянами ближайшего тыла. В прифронтовых городах происходили бесчисленные митинги, совещания, конференции, на которых солдаты и матросы согласовывали свои действия с рабочими и крестьянами»²¹.

«В то время как официальное общество – вся эта многоэтажная надстройка правящих классов, слоев, групп, партий и клик – жило со дня на день инерцией и автоматизмом, пробавляясь остатками изношенных идей, глухое к неотразимым запросам развития, обольщаясь призраками и ничего не предвидя, в рабочих массах происходил самостоятельный и глубокий процесс роста не только ненависти к правящим, но и критической оценки их бессилия, накопления опыта и творческой сознательности, завершившейся революционным восстанием и его победой»²².

Пролетариат – единственный революционный класс

В то время как буржуазная политика служит интересам незначительного меньшинства общества, составляющего правящий класс, политика пролетариата заботится о благе не отдельных лиц, а *всего человечества*. «Эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его

²⁰ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 21.

²¹ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 70, 71, 72.

²² Там же. Т. 1. С. 166.

класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы»²³.

Революционная борьба пролетариата является единственной надеждой на освобождение для всех угнетенных масс. Как с полной очевидностью показала революция 1917 года, рабочие могут привлечь на свою сторону солдат, в большинстве своем бывших крестьян, и вообще основную массу крестьянства. Так пролетариат подтвердил, что совершает революцию не только в своих собственных интересах, ибо она представляет собою единственную возможность положить конец войне и капиталистическим общественным отношениям угнетения и эксплуатации вообще.

Стремление рабочих открыть новые перспективы перед другими угнетенными классами ловко эксплуатировалось партиями меньшевиков и эсеров, которые во имя союза с крестьянами и солдатами призывали пролетариат отказаться от своей самостоятельной классовой борьбы и социалистической революции. Такая позиция на первый взгляд представляется более «логичной»: если мы хотим привлечь на свою сторону другие классы, мы должны приспособиться к их требованиям, нужно искать наименьший общий знаменатель, способный объединить всех.

Однако «средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий». Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории»²⁴.

Заклучив межклассовый союз, пролетариат может потерять все: он не только не привлечет на свою сторону другие угнетенные классы, но и подтолкнет их в руки капитала, утратит собственное единство и классовое сознание; он не станет защищать свои интересы; он не пойдет по социалистическому пути, а увязнет в болоте упадочного капитализма. Не поможет он и мелкой буржуазии и крестьянству. Скорее уж принесет их в жертву интересам капитала, поскольку «общенародные» требования служат для буржуазии прикрытием, под которым она проталкивает свои собственные цели. Под «народными» понимаются не интересы «трудящихся классов», а национальные, эксплуататорские, империалистические интересы буржуазии. «Союз меньшевиков и эсеров означал при этих условиях не сотрудничество пролетариата и крестьянства, а коалицию партий, порвавших с пролетариатом и крестьянством ради блока с имущими классами»²⁵.

²³ Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1985. С. 176.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Там же. С. 151.

²⁵ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 229.

Если пролетариат хочет привлечь на свою сторону неэксплуататорские слои населения, он должен еще четче заявить о своих требованиях, своем существовании, своей классовой самостоятельности. *Так он объединит вокруг себя все, что есть в обществе революционного: «Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата»*²⁶.

Поставив приоритетной целью завершение империалистической войны, стремясь создать возможность разрешения земельного вопроса²⁷, создавая советы как органы всех угнетенных, а главное, предложив альтернативу нового общественного устройства перед лицом банкротства и распада капиталистического общества, – пролетариат России стал в авангарде всех угнетенных классов и сумел указать им путь, во имя которого следовало объединяться и бороться.

Поведение пролетариата как самостоятельной силы не изолирует его от других эксплуатируемых слоев, а, напротив, изолирует их от буржуазного государства. Когда российская буржуазия стала внушать солдатам и крестьянам, будто рабочие – «эгоисты», поскольку требуют введения 8-часового рабочего дня, эти последние «поняли опасность и умело парировали ее. Для этого им достаточно было рассказать правду, назвать цифры военных барышей, показать солдатам заводы и цеха с грохотом машин, адским пламенем печей – свой постоянный фронт, на котором они несли неисчислимые жертвы. Начались, по инициативе рабочих, правильные посещения частями гарнизона заводов, особенно работающих на оборону. Солдат смотрел и слушал, рабочий показывал и объяснял. Посещения заканчивались торжественным братанием»²⁸.

«Армия была неизлечимо больна. Она еще непригодна была, чтобы сказать свое слово в революции. Но для войны она уже не существовала»²⁹.

Эта «неизлечимая болезнь» армии являлась результатом самостоятельной борьбы рабочего класса. Точно так же решительно пролетариат взялся и за аграрный вопрос, который упадочный капитализм не способен был разрешить: каждый день из промышленных центров легионы агитаторов, делегатов заводов и советов отправлялись к крестьянам, чтобы убеждать их, поднимать на борьбу, организовывать сельских батраков и бедняков. Советы и фабзавкомы принимали множество резолюций солидарности с крестьянами, предлагая им конкретные

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Ук. соч.

²⁷ В наши задачи здесь не входит анализ того, смогли ли большевики и советы справедливо разрешить аграрный вопрос (перераспределение земли). Роза Люксембург доказывала, что это не так. Но главное для нас, что пролетариат и большевистская партия указали на реальную возможность его разрешения с точки зрения власти рабочего класса и борьбы за социалистическую революцию.

²⁸ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 246.

²⁹ Там же, с. 261.

меры по разрешению аграрного вопроса: «Конференция фабрично-заводских комитетов посвящает свое внимание аграрному вопросу и вырабатывает по докладу Троцкого манифест к крестьянам: пролетариат чувствует себя не только особым классом, но и руководителем народа»³⁰.

Советы

В то время как буржуазная политика рассматривает большинство населения в качестве безликой массы, которую путем манипуляций надо заставить голосовать за все, что предлагает ей государственная власть, *рабочая политика мыслится как свободная и сознательная деятельность громадного большинства в интересах всех трудящихся.*

«Советы депутатов или делегатов собраний впервые стихийно возникли во время всеобщей стачки 1905 года. Они являлись непосредственными органами тысяч заводских и районных собраний трудящихся, когда жизнь рабочего класса кипела как никогда прежде. Приняв эстафету Парижской Коммуны, российские рабочие повсеместно воплотили в жизнь ту форму организации, зачатки которой наметили коммунары: суверенные ассамблеи, централизация путем избрания делегатов с правом их отзыва»³¹.

Сразу же после свержения царизма рабочими в Петрограде, Москве, Харькове, Гельсингфорсе, во всех крупных промышленных городах возникли советы рабочих депутатов, к которым присоединились депутаты солдат, а затем крестьян. Вокруг советов пролетариат и угнетенные массы создали несметное число борющихся организаций на основе всеобщего участия, свободных дискуссий и принятия решений всеми эксплуатируемыми: «Покрыв всю территорию России, сеть местных советов рабочих и солдатских депутатов составила своеобразный костяк революции. Одним своим существованием они сделали практически невозможным возврат к прошлому»³².

Буржуазная «демократия» ограничивает «участие» масс в политике выборами раз в 4 года человека, который делает все, что угодно буржуазии. Советы же, напротив, означают непрерывное и непосредственное участие всех рабочих, которые обсуждают вопросы на широких общих собраниях и принимают решения, касающиеся всего общества. Все делегаты избираются и в любой момент могут быть отозваны, они полностью подконтрольны тем, кто их избрал.

Буржуазная «демократия» понимает «участие» как единоличный выбор якобы свободного индивида перед избирательной урной. На самом же деле это закрепление атомизации, эгоистичного индивиду-

³⁰ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 73.

³¹ Le proletariat doit imposer sa dictature pour mener l'humanité à son émancipation // *Revolution internationale*. No 190.

³² Anweiler O. *Les soviets en Russie, 1905-1921*. P., 1972.

лизма, принципа «человек человеку волк», маскировка классовых различий, короче, всего, что выгодно находящемуся в меньшинстве классу эксплуататоров. В основе же советов, наоборот, лежит коллективное обсуждение и принятие решений, каждый может ощутить чувство товарищеской поддержки, силу целого, и в коллективе совершенствовать свои способности на благо всех, становясь развитой личностью, а не ограниченным индивидуалистом. *Советы – проявление автономной организации рабочего класса в борьбе за бесклассовое общество.*

Рабочие, солдаты и крестьяне считали советы своими организациями. «Не только рабочие и солдаты огромных тыловых гарнизонов, но и весь разношерстный мелкий люд городов, ремесленники, уличные торговцы, маленькие чиновники, извозчики, дворники, прислуга всех видов, чуждались Временного правительства и его канцелярий, искали власти поближе, подступнее. Все в большем числе появлялись в Таврическом дворце крестьянские ходоки. Массы вливались в советы, как в триумфальные ворота революции. Все, что оставалось за пределами Советов, как бы отваливалось от революции и казалось принадлежащим к другому миру. Так оно и было: за пределами советов оставался мир собственников»³³.

Ничто в России не могло произойти без советов: делегаты Балтийской и Черноморской эскадр уже 16 марта объявили, что повинуются лишь тем приказам Временного правительства, которые согласованным с советами. 172-й полк выразился еще яснее: «Армия и население должны починяться только распоряжениям Совета. Тем из распоряжений Временного правительства, которые идут вразрез с решениями Совета, подчиняться не следует»³⁴.

Гучков, крупный капиталист и министр Временного правительства, жаловался: «Правительство, увы, не располагает реальной властью, в руках Совета войска, железные дороги, почта, телеграф. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом»³⁵.

Рабочий класс, стремящийся к революционному и сознательному преобразованию мира, нуждается в органе, который позволил бы ему выразить все свои течения, мысли, способности; органе до крайности динамичном, дабы в любой момент служить равнодействующей движения масс вперед; органе, не способном впасть в консерватизм и бюрократизм, не допускающем попыток отнять власть у большинства. В рабочем органе, где все решается быстро, при этом сознательно и сообща, и в выполнении решения которого участвует каждый.

«Советы... не мирились ни с какой теорией разделения властей и вмешивались в управление армией, экономические конфликты, вопро-

³³ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 1. С. 203.

³⁴ Там же, с. 225.

³⁵ Там же, с. 207.

сы продовольствия и транспорта, даже в судебные дела. Советы декретировали под давлением рабочих 8-часовой рабочий день, снимали слишком реакционных администраторов, отставляли наиболее невыносимых комиссаров Временного правительства, производили аресты и обыски, закрывали враждебные газеты»³⁶.

Итак, рабочий класс сумел объединиться, добиться свободы для своей творческой энергии, стал действовать организованно и сознательно и в итоге выступил как революционный класс, миссия которого – создать новое общество, без классов и государства, основанное на принципах социальной свободы. Но для этого пролетариату следовало уничтожить господство своего классового врага – буржуазное государство, олицетворенное во Временном правительстве, – и установить свою власть, власть советов.

(По материалам «Ревю энтернасьональ», № 71)

³⁶ Там же, с. 348.

Завоевание Советов пролетариатом

Октябрь 1917-го преподавал важнейший урок: буржуазия препятствует свободной революционной борьбе рабочих масс. Мало того, она пытается всеми средствами саботировать ее. И использует для этого не только репрессии, но и еще одно весьма опасное оружие – *саботаж изнутри, со стороны буржуазных сил, прикрывающихся масками «рабочих» и «радикалов»; в то время таковыми являлись «социалистические» партии, а сегодня это партии «левые» и «крайне левые», а также профсоюзы.*

Подобный саботаж представлял главную угрозу для начавшейся в феврале революции: саботаж Советов со стороны партий социал-предателей, которые являлись сторонниками государственного аппарата буржуазного типа. Рассмотрим подробнее эту проблему и те средства, которые позволили пролетариату ее разрешить, – обновление Советов, партию большевиков, восстание.

Саботаж Советов буржуазией

Буржуазия представляет февральскую революцию как движение к «демократии», насильственно прерванное большевистским переворотом. Подобные легенды призваны противопоставить Февраль Октябрю, причем первый изображается настоящим «праздником демократии», а второй – переворотом, совершенным «против воли народа».

Это ложь, и порождена она ненавистью, которую вызвало у буржуазии развитие событий с февраля по октябрь, не оправдав ее расчеты. Хозяева жизни полагали, что после февральских потрясений, приведших к свержению царя, массы спокойно разойдутся по домам и предоставят буржуазным политикам рулить как им вздумается, время от времени легитимируя правление капиталистов «демократическим волеизъявлением». Однако пролетариат не поддался на уловки правящего класса, развил колоссальную активность, осознал свою историческую миссию и создал мощные орудия борьбы – Советы. Тогда начался период двоевластия: «Либо буржуазия действительно овладеет старым государственным аппаратом, подновив его для своих целей, причем советы должны будут сойти на нет; либо советы лягут в основу нового государства, ликвидировав не только старый аппарат, но и господство тех классов, которым он служил»³⁷.

Чтобы уничтожить советы и окончательно утвердиться у руля государства, буржуазия разыграла карту меньшевиков и эсеров, бывших рабочих партий, перешедших в ходе войны в буржуазный лагерь. В начале революции они пользовались огромным доверием рабочих, ко-

³⁷ Там же, с. 220.

торое использовали, чтобы занять ведущие позиции в советах и служить прикрытием буржуазии: «Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) "социалистический" министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить»³⁸.

Уже в феврале начала складываться ситуация, крайней опасная для рабочих масс: с большевиками в первых рядах они боролись за мир, за землю, за отмену капиталистической эксплуатации. Ради этого они создали советы и доверились им безоговорочно. И вот советы, дело их рук, заполнили меньшевистские и эсеровские буржуазные демагоги, которые отказывались выполнять самые насущные требования.

Они тысячу раз сулили мир – и позволили Временному правительству продолжить войну.

27 марта правительство попыталось начать наступление на Дарданеллах с целью занять Константинополь. 18 апреля министр иностранных дел Милюков выступил с известной нотой о верности России своим обязательствам перед союзниками (Францией и Англией). В мае Керенский начал на фронте кампанию по подъему боевого духа солдат. Верхом цинизма стали его слова, сказанные с целью побудить армию сражаться и дальше: «Вы понесете на концах штыков ваших мир». В июне и в августе социал-демократы заодно с одиозными царскими генералами попытались увлечь рабочих на империалистическую бойню.

Точно так же эти демагоги, рассуждавшие о «правах человека», сделали попытку возродить в армии воинскую дисциплину: восстановили смертную казнь на фронте, призывали солдат «не прятаться за спины офицеров». Например, когда Петросовет решил широко опубликовать свой знаменитый приказ № 1, который запрещал телесные наказания солдат и защищал их права и достоинство, социал-предатели из Исполнительного комитета «прислали в типографию, в качестве противоядия, обращение к солдатам, которое, под видом осуждения самосудов над офицерами, требовало подчинения старому командному составу»³⁹.

Они беспрестанно разглагольствовали о «решении аграрного вопроса», одновременно не посягая на землевладельцев и подавляя крестьянские волнения.

Так, они систематически блокировали даже самые робкие постановления в этой области, возвращая стихийно захваченные крестьяна-

³⁸ Ленин В.И. Уроки революции // ПСС. Т. 34. С. 65.

³⁹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 275.

ми земли прежним хозяевам; огнем и мечом подавляли крестьянские волнения, посылая на их усмирение карательные отряды. На селе восстановили наказание кнутом.

Они блокировали введение восьмичасового рабочего дня и допустили, чтобы владельцы предприятий дезорганизовали их работу.

Они позволили капиталистам саботировать производство с целью заставить рабочих голодать, разобщить и деморализовать их. «Используя свои тесные связи с международными и национальными банками, а также с организациями объединенного капитала (синдикатами, трестами и пр.), капиталисты внедрили широкомасштабную и тщательно продуманную систему саботажа. Они не останавливались ни перед какими средствами, начиная с отсутствия на заводах администрации, умышленной дезорганизации работы предприятий, припрятывания сырья и заканчивая закрытием лишенных ресурсов предприятий»⁴⁰.

Они стали жестоко подавлять борьбу рабочих.

«В Харькове тридцать тысяч горнорабочих организовались и приняли тот вводный пункт устава "Индустриальных рабочих мира", который гласит: "Класс рабочих и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего". Организация была разгромлена казаками, многих горняков прогнали с работы, оставшиеся объявили всеобщую забастовку. Министр торговли и промышленности Коновалов послал своего заместителя Орлова прекратить беспорядки и снабдил его широкими полномочиями. Горняки ненавидели Орлова. А ЦИК не только поддержал это назначение, но и отказался потребовать вывода казаков из Донецкого бассейна...»⁴¹.

Они сеяли иллюзии среди рабочих своими пустыми посулами «революционной демократии», а на самом деле всеми средствами саботировали советы.

Они попытались уничтожить советы изнутри, не соблюдая установленного в них порядка, отводя пленарным заседаниям второстепенную роль и стараясь принимать решения узким кругом, стремясь разобщить угнетенные массы и спровоцировать столкновения: «Уже с апреля меньшевики и эсеры начали апеллировать к провинции против Петрограда, к солдатам против рабочих, к коннице против пулеметчиков. Они давали ротам более привилегированное представительство в советах, чем заводам; покровительствовали мелким и разрозненным предприятиям в противовес металлическим гигантам. Представляя вчерашний день, они искали опоры в отсталости всех видов. Теряя почву, они натравливали арьергард на авангард»⁴². Они сделали все, чтобы советы передали власть «демократическим органам»: земствам, унаследованным от царизма, и «Демократическому совещанию», со-

⁴⁰ Панкратова А.М. Ук. соч.

⁴¹ Рид Дж. Ук. соч. С. 57.

⁴² Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. II. Ч. 1. С. 58.

стоявшемуся в августе в Москве, – настоящему гадюшнику, где собрались такие «представительные» силы, как дворяне, офицеры, бывшие черносотенцы, кадеты и прочие, благословившие корниловский путч. В сентябре была предпринята новая попытка уничтожить советы – созыв предпарламента, где делегатам буржуазии и дворянства, ненавистного всем эксплуататорского меньшинства, которые представляли только самих себя, социал-предатели предоставили 683 места, а делегатам советов – только 230. Керенский пообещал американскому послу: «Мы сделаем так, чтобы советы умерли естественной смертью. Центр тяжести политической жизни постепенно перемещается от советов к новым демократическим органам автономного представительства».

Советы, требовавшие взятия власти, были «демократически» подавлены вооруженной силой: «Большевики, завоевав большинство в этом Совете [Калужском – *Ред.*], добились освобождения нескольких политических заключенных. Городская дума с согласия правительственного комиссара вызвала из Минска войска, которые подвергли Совет артиллерийскому обстрелу. Большевики уступили, но в тот момент, когда они выходили из здания Совета, казаки набросились на них с криком: "Вот что будет со всеми прочими большевистскими Советами!... "»⁴³.

Рабочие видели, как их классовые органы используют, извращают и заставляют служить политическим целям, идущим вразрез с их интересами. И все это, как мы уже отмечали выше, привело к политическим кризисам апреля, июня и июля и, наконец, подвигло пролетариат на решающий шаг – обновление советов и захват власти.

Советы, по словам Ленина, – «власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу»⁴⁴. Это и позволило рабочим быстро внести в них изменения, едва убедившись, что советы больше не защищают их интересы. Начиная с середины августа деятельность советов ускоряется в головокружительном темпе. Заседания следуют одно за другим, днем и ночью, без перерыва. Рабочие и солдаты спорят со знанием дела, принимают голосованием множество резолюций. В подобной атмосфере интенсивной самодеятельности масс⁴⁵ во многих советах (Гельсингфорса, Урала, Кронштадта, Ревеля, Балтфлота и др.) сформировалось революци-

⁴³ Рид Дж. Ук. соч. С. 57-58.

⁴⁴ Ленин В.И. О двоевластии // ПСС. Т. 31. С. 145.

⁴⁵ Мы никогда не отрицали ошибок, совершенных большевистской партией, ее перерождения и превращения в становой хребет отвратительной сталинской диктатуры. О роли партии большевиков и беспощадной критике ее ошибок и перерождения см. следующие статьи в «Ревю энтернасьональ»:

- «Перерождение русской революции» и «Уроки Кронштадта» (№ 3).

- «Защита пролетарского характера Октябрьской революции» (№ 12 и 13). Основная причина перерождения партий и организаций пролетариата коренится во влиянии буржуазной идеологии в их рядах, что постоянно порождает оппортунистические и центристские тенденции (см. также «Резолюцию о центризме и оппортунизме» в № 44 «Ревю энтернасьональ»).

онное большинство из большевиков, максималистов, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров, анархистов и др.

31 августа Петроградский совет одобрил внесенную большевиками резолюцию. Лидеры совета, меньшевики и эсеры, отказались проводить ее в жизнь и подали в отставку. 9 сентября большевики получили большинство в Петросовете, аналогичные перемены произошли в советах по всей стране. Массы сформировали те советы, в которых нуждались, чтобы взять власть в свои руки.

Роль партии большевиков

В этой борьбе масс за контроль над своими организациями, против буржуазного саботажа большевики сыграли решающую роль. Они сосредоточили все свои силы на развитии советов: «Конференция заявляет еще раз, что необходима всесторонняя работа внутри Советов рабочих и солдатских депутатов, увеличение их числа, укрепление их силы, сплочение внутри их пролетарских, интернационалистских групп нашей партии»⁴⁶. Главной целью этой деятельности являлось развитие классового сознания. С одной стороны, они были уверены в способности масс к критическому анализу: «Но в то время как агитация меньшевиков и эсеров имела рассеянный, противоречивый, чаще всего уклончивый характер, агитация большевиков отличалась продуманностью и сосредоточенностью. Постоянный анализ обстановки, проверка лозунгов на фактах, серьезное отношение к противнику, даже малосерьезному, придавали особую силу и убедительность большевистской агитации»⁴⁷. С другой стороны, они были уверены в своем единстве и организованности: «Не верьте словам. Не давайте увлечь себя посулами. Не преувеличивайте своих сил. Организуйтесь по каждому заводу, в каждом полку и в каждой роте, в каждом квартале. Работайте над организацией ежедневно и ежечасно...»⁴⁸.

Большевики вовсе не намеревались заставлять массы следовать некому заранее намеченному «плану действий», мобилизовать их подобно армии. Они знали, что *Революция – результат непосредственных действий масс, внутри которых им и надлежало работать*. «Главная сила Ленина состояла в том, что он понимал внутреннюю логику движения и направлял по ней свою политику. Он не навязывал массам свой план. Он помогал массам осознать и осуществить их собственный план»⁴⁹.

⁴⁶ Из резолюции VII (Апрельской) всероссийской конференции РСДРП (б): О советах рабочих и солдатских депутатов // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М., 1954. С. 353.

⁴⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 278.

⁴⁸ Введение к резолюциям конференции // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 335.

⁴⁹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. I. С. 319.

Партия *не упирала на свою авангардную роль*, говоря классу: «Вот истина, преклонись перед ней». Напротив, ей передавались тревоги и заботы всего класса, и таким образом она, пусть опосредованно, также рисковала подвергнуться разрушительному влиянию буржуазной идеологии. Свою функцию движущей силы развития классового сознания она выполняла *в процессе политических дискуссий*, во время которых *преодолевала ошибки и недостатки своих прежних позиций* и вела борьбу не на жизнь, а на смерть *против оппортунистических уклонов*, которые угрожали ей.

Так, в начале марта немалая часть большевиков предложила объединиться с другими социалистическими партиями (меньшевиками и эсерами). В поддержку этого они выдвигали следующий, казалось бы, неоспоримый довод, который в те первые дни всеобщей радости и неопытности мог получить определенный отклик в массах: чем идти каждому своей дорогой, почему бы всем социалистам не объединиться? Зачем наличием двух-трех различных партий, заявляющих о своем пролетарском и социалистическом характере, зачем вносить сумятицу в ряды рабочих?

Здесь крылась серьезная угроза для революции: партия, которая с 1902 года боролась против оппортунизма и реформизма; которая, начиная с 1914 года, наиболее последовательно и решительно противопоставляла Первой мировой войне интернациональную революцию, – рисковала быть разбавленной мутным потоком партий социал-предателей. Как же было пролетариату преодолеть в себе оставшиеся сомнения и путаницу? Как избежать маневров и ловушек врага? Как не отклоняться от верного курса в минуты слабости и поражений? Ленин и основная масса партии боролись против ложного единства, которое на самом деле означало единение с буржуазией.

Поначалу партия большевиков была в меньшинстве. Многие рабочие сохраняли иллюзии на счет Временного правительства и рассматривали его как порождение Советов, в то время как на самом деле оно являлось их злейшим врагом. В марте-апреле руководство большевиков в России проводило политику примирения с Временным правительством, которая грозила привести к открытой поддержке империалистической войны.

Подобный оппортунистический уклон ряда руководителей большевистской партии вызывал недовольство низовых партийных активистов, которые группировались вокруг Выборгского парткомитета. Их взгляды нашли отражение в Апрельских тезисах Ленина. Он считал, что не следует оказывать «никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого,

сеющего иллюзии, “требования”, чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским»⁵⁰.

Кроме того, Ленин обличал главное оружие, которое меньшевики и эсеры использовали против советов: «"Ошибка" названных вождей – в их мелкобуржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелкобуржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния»⁵¹.

Тем, кто считал подобный подход «непрактичным», Ленин отвечал: «На деле это – самая *практическая революционная* работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает "шаг на месте" *не из-за* внешних помех, *не из-за* *насиллия* со стороны буржуазии [...], а *из-за* доверчивой бессознательности масс. Только борясь с этой доверчивой бессознательностью (а бороться с ней можно и должно исключительно идейно, товарищеским убеждением, указанием на *опыт жизни*), мы можем высвободиться из-под царящего *разгула революционной фразы* и действительно толкать вперед как пролетарское сознание, так и сознание масс, так и смелую решительную инициативу их *на местах*»⁵².

Защита исторического опыта пролетариата, сохранение его классовых позиций порою оказываются не понятыми большинством рабочих, поскольку «масса колеблется: между доверием к старым господам, капиталистам, и озлоблением против них; между доверием к новому, открывающему путь в светлое будущее для всех трудящихся, единственному последовательно революционному классу – пролетариату и неясным сознанием его всемирно-исторической роли»⁵³. Эту слабость можно преодолеть: «Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата»⁵⁴.

Как и всякая подлинно пролетарская партия, большевики являлись частью движения рабочего класса. Они наиболее активно проявляли себя в борьбе, в советах, в фабзавкомках, на митингах и собраниях. Июльские дни показали, что партия неизменно отстаивает дело своего класса.

Как отмечалось выше, в конце июня положение стало невыносимым из-за голода, войны, хаоса, саботажа советов, политики ЦИК, где заправляли социал-предатели, которые ничего не делали и тем самым пособничали буржуазии. Они, особенно в Петрограде, утрачивали доверие рабочих и солдат, в чьих рядах с каждым днем все сильнее ста-

⁵⁰ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // ПСС. Т. 31. С. 114.

⁵¹ Ленин В.И. О двоевластии, ук. соч. С. 147.

⁵² Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // ПСС. Т. 31. С. 157-158.

⁵³ Ленин В.И. Уроки кризиса // ПСС. Т. 31. С. 326-327.

⁵⁴ Ленин В.И. Задачи пролетариата..., ук. соч. С. 177.

новились нетерпение, отчаяние, ярость, и чувства эти побуждали их к захвату власти. Но необходимые условия еще не созрели:

- в провинции рабочие и солдаты еще не достигли такого уровня политической зрелости, как в Петрограде;
- крестьяне пока доверяли Временному правительству;
- даже петроградские рабочие стремились не столько взять власть, сколько показать свою силу и вынудить сделать это «социалистических» лидеров – то есть потребовать от пятой колонны буржуазии захватить власть от имени рабочих.

В подобной ситуации давать решающий бой буржуазии и ее приспешникам значило пускаться в авантюру, которая могла бесповоротно загубить дело революции. За преждевременно нанесенный удар пришлось бы заплатить поражением.

Большевистская партия не советовала поступать подобным образом, однако, видя, что массы к ней не прислушиваются и продолжают действовать по-своему, – не стала самоустраиваться и заявлять, что «это ваше дело». Она решила принять участие в выступлении, дабы, с одной стороны, попытаться не допустить его перерастания в гибельную авантюру, а с другой, сделать так, чтобы рабочие извлекли из произошедшего урок, необходимый для решающей битвы. Партия прилагала все усилия, чтобы именно Петросовет, избрав в ходе всестороннего обсуждения достойных лидеров, стал соответствовать господствующим в массах умонастроениям.

И все-таки движение провалилось, потерпело поражение. Буржуазия и ее пособники, меньшевики и эсеры, начали жестокие репрессии против рабочих, особенно большевиков. Им пришлось заплатить высокую цену: тюрьмы, суды, подполье. Но принесенная ими жертва помогла классу минимизировать последствия поражения и поставить вопрос о восстании более сознательно и организованно, в более подходящий момент.

Эта преданность партии своему классу уже в августе, когда миновала худшая пора буржуазной реакции, начать совместную подготовку к победоносной революции. «В дни февральского переворота обнаружилась вся предшествующая многолетняя работа большевиков и нашли свое место в борьбе воспитанные партией передовые рабочие; но непосредственного руководства со стороны партии еще не было. В апрельских событиях раскрыли свою динамическую силу лозунги партии, но само движение развернулось самопроизвольно. В июне вышло наружу огромное влияние партии, но массы выступали еще в рамках демонстрации, официально назначенной противниками. Только в июле, испытав на себе силу напора масс, большевистская партия выступает на улицу против всех остальных партий и не только своими лозунгами, но и своим организационным руководством определяет основной характер движения. Значение сплоченного авангарда впервые сказыва-

ется во всей силе в июльские дни, когда партия – дорогой ценой – ограждает пролетариат от разгрома и обеспечивает будущее революции и свое собственное»⁵⁵.

Восстание – дело Советов

Ситуация двоевластия, существовавшая в период с февраля по октябрь, являлась опасной и нестабильной. Тот факт, что она продлилась так долго, не дав перевес ни одному классу, нанес особенный ущерб пролетариату: бездарность правящего класса и охвативший его хаос подрывали веру в него, но одновременно утомляли и дезориентировали массы рабочих, которые растрачивали свои силы в бесплодных боях и начинали постепенно отдавать свои симпатии промежуточным классам. Вот почему рабочему классу необходимо было положить конец колебаниям и решиться на восстание, чтобы взять власть. «Тут русская революция только подтвердила основной урок любой великой революции, чей жизненный закон гласит: или двигаться вперед решительно и быстро, железной рукой круша все препятствия и постоянно расширяя собственные цели, или же очень быстро быть отброшенной гораздо дальше отправной точки и раздавленной контрреволюцией»⁵⁶.

Восстание – это сложное действие. *Его необходимо совершить в нужный момент развития революционной ситуации: ни раньше, дабы не обречь его на поражение, но и не позже, ибо возможность будет упущена, и революционное движение распадется под ударами контрреволюции.*

В начале сентября буржуазия руками Корнилова попыталась совершить переворот. Это послужило сигналом к ее финальному наступлению на советы ради восстановления собственного полновластия.

Пролетариат при массовой поддержке солдат сумел дать ей отпор, и это ускорило разложение армии: солдаты многих полков поддержали революцию, изгнали офицеров и создали солдатские советы.

Как мы отмечали выше, обновление советов, начавшееся в середине августа, постепенно изменяло соотношение сил в пользу пролетариата. Поражение корниловского путча ускорило этот процесс.

С середины сентября местные и губернские советы один за другим стали принимать резолюции с требованием взятия власти (в Кронштадте, Екатеринославе и т. д.): состоявшийся 11-13 октября съезд советов Северной области открыто призвал к восстанию. В Минске губернский съезд советов решил оказать поддержку восстанию и отправить в помощь ему революционно настроенных солдат. 12 октября «общее собрание рабочих одного из самых революционных заводов

⁵⁵ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 83-84.

⁵⁶ Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 312.

столицы (Старый Парвиаинен) ответило на травлю буржуазной печати: «Мы твердо заявляем, что выйдем на улицу тогда, когда найдем это необходимым. Нас не пугает предстоящая близкая борьба, и мы твердо верим, что выйдем из нее победителями»⁵⁷.

17 октября солдатский совет Петрограда постановил: «Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство – Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом»⁵⁸. Совет Выборгского района решил провести шествие в поддержку этой резолюции, к нему присоединились матросы. Троцкий приводит отрывок из московской либеральной газеты, которая так описывает атмосферу в столице: «На окраинах, на петроградских заводах, Невском, Обуховском и Путиловском, большевистская агитация за выступление идет вовсю. Настроение рабочих таково, что они готовы двинуться в любой момент»⁵⁹.

Усиление крестьянских волнений в сентябре также способствовало созреванию необходимых условий для восстания: «Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами»⁶⁰.

Но именно на мировом уровне решается судьба революции. Ленин четко обозначил этот момент в своем письме большевикам-участникам съезда советов Северной области 8 октября 1917 года: «Наша революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистского пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно»⁶¹. В другом письме он уточнял: «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут поклядисты друг к другу и против нас объединятся) и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы)»⁶².

Это сознание международной ответственности российского пролетариата было присуще не только Ленину и большевикам, но и многим слоям рабочих.

⁵⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 87.

⁵⁸ Рид Дж. Ук. соч. С. 65.

⁵⁹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 95-96.

⁶⁰ Ленин В.И. Кризис назрел // ПСС. Т. 34. С. 281.

⁶¹ Ленин В.И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде советов Северной области // ПСС. Т. 34. С. 385.

⁶² Ленин В.И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы – большевикам 1 октября 1917 г. // ПСС. Т. 34. С. 341.

«Кадетский министр Шингарев на одном из собеседований с окопными ходоками защищал приказ Гучкова против "излишней снисходительности" к пленным, ссылаясь на "немецкие зверства". Министр не встретил ни малейшего сочувствия. Собрание решительно высказалось за облегчение участи пленных»⁶³.

«Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. "Товарищи, – кричал он, – мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию. Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!"»⁶⁴.

Правительство Керенского попыталось перевести наиболее революционно настроенные воинские части из Петрограда, Москвы, Владимира, Ревеля на фронт или в отдаленные районы, чтобы таким образом обезглавить борьбу. Одновременно либеральная и меньшевистская печать развязала кампанию клеветы против солдат, обвиняя их в «трусости» и «нежелании рисковать жизнью во имя родины». Ответ столичных рабочих последовал незамедлительно; многие заводские собрания поддержали солдат, потребовали передачи всей власти советам и приняли меры по вооружению рабочих. В этих условиях 9 октября Петроградский Совет постановил создать Военно-революционный комитет (ВРК) для контроля над правительством, однако он очень быстро стал организационным центром восстания. В ВРК вошли представители Петросовета, Центробалта⁶⁵, Областного исполкома армии, флота и рабочих в Финляндии, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, а также рабочие-красногвардейцы.

«Красная Гвардия впервые была образована во время революции 1905 г. и снова возродилась в мартовские дни 1917 г., когда нужна была сила для поддержания порядка в городе. В это время красногвардейцы были вооружены, и все старания Временного правительства разоружить их были безуспешными. При каждом кризисе в ходе революции отряды Красной Гвардии появлялись на улицах, по-военному не обученные и не организованные, но полные революционного энтузиазма»⁶⁶.

Опираясь на эти объединенные классовые силы, 18 октября ВРК созвал гарнизонное совещание, которое открыто высказалось в поддержку восстания. Данное решение было принято большинством деле-

⁶³ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 1. С. 280.

⁶⁴ Рид Дж. Ук. соч. С. 47.

⁶⁵ Центральный комитет Балтийского флота – коллегиальный орган матросских масс, созданный для координации деятельности флотских комитетов.

⁶⁶ Рид Дж. Ук. соч. С. 21.

гатов, при двух против и двух воздержавшихся (кроме того, представители пяти полков не участвовали в совещании). Было также принято решение о вооружении рабочих.

Оно лишь подтверждало свершившийся факт – незадолго до этого множество рабочих явилось в государственные арсеналы с требованием раздать им оружие. Когда правительство ответило отказом, рабочие и сотрудники арсенала Петропавловской крепости заявили, что переходят в распоряжение ВРК и, совместно с другими арсеналами, организовали раздачу оружия.

21 октября гарнизонное совещание приняло следующую резолюцию: «1. Гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах... 2. [...] Гарнизон обращается к казакам: ...Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья-казаки! 3. Всероссийский съезд советов должен взять власть в свои руки [...]. Гарнизон торжественно обещает отдать все свои силы в распоряжение съезда. Надеемся на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах, готовые победить или умереть»⁶⁷.

Здесь мы можем увидеть характерные черты рабочего восстания: творческую инициативу масс, простую и превосходную организацию, обсуждение и выработку резолюций, в которых отражен уровень сознательности масс, использование методов убеждения, призыв к казакам отказаться от защиты правительства. В качестве примера можно привести и состоявшийся 23 октября бурный, драматический митинг солдат гарнизона Петропавловской крепости, который принял решение подчиняться только ВРК. Все эти особенности присущи освободительному движению, прямому действию угнетенных масс, искреннему и творческому.

22 октября восстание определенно стало в повестку дня. В тот день по призыву Петросовета по всему городу, на всех предприятиях прошли митинги и собрания под общими лозунгами: «Долой Керенского!» и «Вся власть Советам!». Это был грандиозный акт, знаменовавший собой решимость рабочих, служащих, солдат, многих казаков, женщин и даже детей поднять восстание.

В рамках данной работы невозможно во всех подробностях рассказать о тех событиях (заинтересованным читателям мы рекомендуем обратиться к соответствующим книгам Троцкого и Джона Рида). Для нас, в первую очередь, важно подчеркнуть массовый, *коллективный* характер восстания: «Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, – и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 года, как было намечено.

⁶⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 104.

Мировая история знает немало революционных переворотов и восстаний. Но тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного класса, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно. В этом смысле, как и во многих других, октябрьский переворот является единственным и несравненным»⁶⁸.

Уже в сентябре большевики стали открыто ставить вопрос о восстании на рабочих и солдатских собраниях, заняли наиболее решительные позиции в ВРК и Красной гвардии. Они отправлялись в казармы тех полков, которые колебались или поддерживали Временное правительство, и переубеждали их – так, именно выступление Троцкого перед гарнизоном Петропавловской крепости привлекло его на сторону революции. Большевики неустанно разоблачали маневры, проволокочки, ловушки меньшевиков; боролись за созыв II съезда Советов, против саботажа социал-предателей.

И все же не большевики, а пролетариат Петрограда поднял восстание и довел его до конца. Меньшевики и эсеры несколько раз откладывали созыв II съезда Советов. И лишь давление со стороны масс, настояния большевиков, отправка тысяч телеграмм из местных советов с требованием созвать съезд в итоге вынудили ЦИК – логово социал-предателей – назначить его открытие на 25 октября. «После переворота 25 октября, меньшевики, и в первую голову Мартов, много говорили о захвате власти кучкой заговорщиков за спиной Совета и рабочего класса. Трудно выдумать более злостное издевательство над смыслом фактов. Когда мы на совещании советской секции Демократического Совещания назначали большинством голосов Съезд Советов на 25 октября, меньшевики говорили: "Вы назначаете переворот". Когда мы в лице подавляющего большинства Петроградского Совета отказались вывести петроградские полки, меньшевики говорили: "Это начало вооруженного восстания". Когда мы в Петроградском Совете создали Военно-Революционный Комитет, меньшевики констатировали: "Это аппарат вооруженного восстания". А когда в назначенный день при помощи заранее "изобличенного" аппарата своевременно предсказанное восстание действительно произошло, те же меньшевики завопили: "Кучка заговорщиков совершила переворот за спиной рабочего класса". На деле же самое большое, в чем нас можно было по этой части обвинить, это то, что в Военно-Революционном Комитете мы подготавливали кое-какие технические подробности "за спиной" меньшевистских заседателей»⁶⁹.

Пролетариат нашел средства, придавшие ему необходимую силу, – вооружение рабочих, образование ВРК, восстание, – чтобы съезд сове-

⁶⁸ Троцкий Л.Д. Октябрьская революция // <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl360.htm>.

⁶⁹ Там же.

тов смог взять власть. Если бы он вздумал сделать это без предварительной подготовки, подобная попытка была бы обречена на неудачу. Съезд советов не являлся неким изолированным, формальным событием. Его можно понять лишь в контексте общего развития рабочего класса, а точнее, в рамках формирования условий для революции в мировом масштабе. В России множество местных советов призывали к взятию власти или реально захватывали ее: восстание победило практически одновременно в Петрограде, Москве, Туле, на Урале, в Сибири.

Съезд советов довершил начатое, полностью поддержав инициативу петроградского пролетариата: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. [...] Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»⁷⁰.

(По материалам «Ревю энтернасьональ», № 72)

⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 8.

Октябрьское восстание: победа рабочих масс

Некоторые историки на службе капитала расточают лицемерные похвалы «инициативе» и даже «революционному порыву» рабочих и органов массовой борьбы – советов. Эти специалисты много пишут об отчаянии рабочих, солдат и крестьян, столкнувшихся с испытаниями «великой войны». Но прежде всего они выступают как защитники «подлинной русской революции» от большевиков, которые будто бы погубили все дело. Иными словами, нападая на революцию в России, буржуазия противопоставляет февраль октябрю 1917-го, начало борьбы за власть – ее завершению, а ведь именно в этом коренится суть всякой великой революции.

Лицемерие тех, кто защищает Февраль, но осуждает Октябрь

Напоминая о стихийном характере массовых выступлений и забастовок, начавшихся в феврале 1917 года, когда миллионы людей вышли на улицы, охваченные эйфорией, и даже Ленин заявил, что в то время Россия была самой свободной страной мира, – буржуазия противопоставляет этому октябрьские события, далеко не стихийные, во многом спланированные заранее. Тогда не было ни забастовок, ни демонстраций, ни массовых собраний, а власть в столице захватили несколько тысяч вооруженных людей под командованием ВРК, где руководящую роль играла партия большевиков. И буржуазия заявляет: разве это не доказывает, что Октябрь являлся всего-навсего большевистским путчем? Переворотом против большинства населения, против рабочего класса, против законов истории и самой человеческой природы? Все это, твердят нам, стало следствием «безумной марксистской утопии», которая могла опираться лишь на террор и прямо вела к сталинизму.

По мнению правящего класса, чаяния пролетариата в 1917 году не шли дальше того, что было ему обещано в феврале: «парламентской демократии», обязательства «уважать права человека» и правительства, которое продолжило бы войну, но одновременно высказывалось «за» скорый мир «без аннексий». Иными словами, буржуазия тщится внушить, будто пролетариат России сражался за то жалкое положение, в котором прозябают рабочие сегодня! Если бы февральский режим не был свергнут в октябре, уверяют нас, то Россия была бы сейчас такой же могучей и «процветающей» державой, как США, а развитие «капитализма в XX веке прошло бы мирно».

На самом деле подобное лицемерное отстаивание «стихийного» характера февральских событий отражает ненависть к Октябрьской революции и страх перед ней у эксплуататоров всех стран. Стихийная массовая стачка, участие пролетариата в уличных демонстрациях и общих собраниях, создание в огне борьбы рабочих советов – все это основные черты освободительной борьбы рабочего класса. Как отметил Ленин: «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты»⁷¹. Но пока буржуазия остается правящим классом, пока остается нетронутым политическое и репрессивное оружие капиталистического государства, – она всегда может парировать удары пролетариата и обезоружить его. Рабочие советы, эти мощные орудия борьбы пролетариата, возникающие более или менее стихийно, не являются, однако, сами по себе ни единственным, ни наивысшим проявлением пролетарской революции. Они преобладают на первых этапах революционного процесса. Контрреволюционная буржуазия превозносит их до небес именно для того, чтобы объявить *начало* революции ее *кульминацией*, конечным пунктом, ибо знает, что легче нанести поражение революции, которая останавливается на полпути.

Но революция в России на полпути не остановилась. Идя до конца, довершая начатое в феврале 1917-го, она доказала способность рабочего класса терпеливо, сознательно, коллективно, то есть не только «стихийно», но и в соответствии с *заранее согласованным стратегическим планом* создавать необходимые орудия захвата власти: свою классовую марксистскую партию, рабочие советы, воодушевленные классовой программой, и искреннее стремление направлять общество по революционному пути, а также стратегию пролетарского восстания. Именно *единство* между политической борьбой масс и вооруженным захватом власти, между *стихийным* и *запланированным*, между рабочими *советами* и *классовой партией*, между действиями миллионов *рабочих* и решительностью малочисленного *авангарда* – и составляет сущность пролетарской революции. Это-то единство и стремиться разрушить буржуазия своей клеветой на большевизм и октябрьское восстание.

Уничтожение буржуазного государства, свержение господства класса капиталистов, начало мировой революции стали грандиозными свершениями Октября 1917 года, *самой важной, передовой и смелой страницей истории человечества всех времен*. Октябрь смел вековое порабощение, порожденное классовым обществом, и показал, что *пролетариат является первым в истории эксплуатируемым и одновременно революционным классом*. Классом, способным изменить обще-

⁷¹ Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // ПСС. Т. 34. С. 217.

ство, уничтожить эксплуатацию, освободить человечество от власти слепых социальных сил, характерной для «предыстории» человечества. Вот настоящая причина того, почему правящий класс всегда и особенно сейчас нагромождает горы лжи и клеветы на красный Октябрь, «самое ненавистное» событие новой истории – которым сознательный пролетариат гордится. Мы хотим показать, что октябрьское восстание, которое писатели, продавшиеся капиталу, называют «путчем», было кульминацией не только революции в России, но и всей пролетарской борьбы до сегодняшнего дня. Как писал Ленин в 1917 году: «Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии»⁷².

«Кризис назрел»

10 октября 1917 года Ленин, самый разыскиваемый полицией человек в России, явился на заседание ЦК РСДРП(б), переодетый рабочим, в парике и в очках, и предложил принять резолюцию, проект которой был написан на листке из школьной тетради:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с Ко сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, – все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явные приготовления ко второй корниловщине (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), – все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»⁷³.

Ровно за четыре месяца до этого партия большевиков сознательно умеряла боевой порыв петроградских рабочих. Правящие классы провоцировали их, чтобы вовлечь в преждевременную конфронтацию с государством. Подобная ситуация наверняка привела бы к разгрому российского пролетариата в столице и упадку его классовой партии (см. статью об «июльских днях» в № 90 «Ревю энтернасьональ»). Затем

⁷² Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Там же, с. 295.

⁷³ Резолюция заседания ЦК РСДРП 10 (23) октября 1917 г. // Политические партии и движения России: Документы и материалы / Под ред. Л.С. Леоновой. Т. 1. Кн. 2. М., 2001. С. 127-128.

партия преодолела колебания и, как отмечал Ленин в своей знаменитой статье «Кризис назрел», твердо решила мобилизовать все свои силы, чтобы разъяснить солдатам и рабочим абсолютную необходимость отчаянного, последнего, решающего боя за свержение правительства Керенского. И Ленин заявлял: «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту»⁷⁴.

Эта новая, смелая линия партии в октябре, разительно отличающаяся от июльской, что заметно по вышеприведенной резолюции, стала результатом глубокого марксистского анализа. И прежде всего анализа *международной ситуации*, межклассового соотношения сил и потребностей *мирового пролетариата*. В резолюции подчеркивается, что, в отличие от июля 1917 года, российский пролетариат уже не изолирован, в ведущих странах капитализма началась мировая революция. «Наращение всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восстание в немецком флоте»⁷⁵. Российскому рабочему классу надлежало не только воспользоваться возможностью вырваться из международной изоляции, на которую его до тех пор обрекала мировая война, но и – главное – *способствовать тому, чтобы пламя восстания распространилось на Западную Европу, и началась мировая революция*.

В полемике с небольшой частью большевиков, еще повторявших следом за меньшевиками псевдомарксистские, контрреволюционные доводы о том, что революция должна начаться в более развитой стране, – Ленин доказывал: в Германии положение гораздо сложнее, чем в России, и именно российское восстание подтолкнет к началу революции в Германии. «Немцы при дьявольски трудных условиях, имея одного Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте – с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинство в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеман и

⁷⁴ Ленин В.И. Кризис назрел // ПСС. Т. 34. С. 280.

⁷⁵ Ленин В.И. Письмо к товарищам большевикам, ук. соч.

Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов! Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия немецким повстанцам и отвергнем восстание в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом»⁷⁶.

Подобная точка зрения и интернационалистский подход, прямо противоположные буржуазно-националистическим позициям сталинизма, продукта контрреволюции, разделялись в то время не только партией большевиков, но и многими передовыми российскими рабочими, изучавшими марксизм. Так, в начале октября революционные матросы Балтфлота обратились по радио с призывом: «В этот час, когда волны покраснели от крови наших братьев, мы заявляем во всеуслышание: ... Угнетенные народы всего мира, поднимайте знамя восстания!» И все же, оценивая межклассовое соотношение сил в мире, большевики не ограничились одним только мировым пролетариатом – они ясно проанализировали и ситуацию в лагере классового врага. Неизменно опираясь на глубокое знание истории рабочего движения, большевики прекрасно сознавали, что империалистическая буржуазия даже в разгар мировой войны, бросит все свои силы против революции, как это было в 1871 году, в эпоху Парижской Коммуны.

«Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем?*» – вопрошает Ленин и добавляет: «Резолюция *солдатской* секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского»⁷⁷. В августе, при Керенском и Корнилове, революционная Рига уже попала в когти императора Вильгельма II. Ленина тревожили слухи о возможном заключении Германией и Англией сепаратного мира против революции в России. Целью большевиков был не «мир», а революция, ибо они, будучи марксистами, понимали, что капиталистическое перемирие – не что иное, как передышка между мировыми войнами. Именно это ясное, подлинно коммунистическое осознание того, что упадочный, исторически обанкротившийся капитализм неизбежно толкает человечество к варварству, побуждали большевиков поскорее покончить с войной пролетарскими, революционными средствами. Одновременно капиталисты начинают повсюду систематически саботировать производство,

⁷⁶ Ленин В.И. Письмо к товарищам // ПСС. Т. 34. С. 407.

⁷⁷ Ленин В.И.. Письмо Питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании // Там же, с. 346, 348.

чтобы навредить революции. И все это способствует разоблачению в глазах рабочих патриотического мифа «национальной обороны», в соответствии с которым у буржуазии и пролетариата одной страны есть общий интерес – отражение иноземного «агрессора». Это объясняет также, почему в октябре трудящиеся стремились не проводить массовые забастовки, а поддерживать производство, которое буржуазия пыталась застопорить.

Рабочих, в числе прочего, побудило восстать и то, что революции грозило новое наступление контрреволюционеров. Рабочие, в частности, в ведущих советах, твердо стояли за большевиков. Оба эти фактора являлись прямым результатом важнейшего столкновения между буржуазией и пролетариатом в период между июлем и октябрём 1917 года – корниловского путча в августе. Пролетариат под руководством большевиков остановил наступление Корнилова на столицу: привлек на свою сторону корниловские войска, саботировал транспорт и коммуникации. Во время этих событий советы оживились в качестве классовых революционных организаций, а рабочие обнаружили, что временное правительство «социалиста-революционера» Керенского и меньшевиков само замешано в контрреволюционном заговоре. Тогда рабочим стало понятно, что данные партии стали настоящим «левым» крылом буржуазии, а потому нужно поддержать большевиков.

«Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контрреволюции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения»⁷⁸.

Наиболее показательный тест на наличие революционных качеств у рабочей партии – это ее отношение к вопросу о взятии власти. «А самый крутой поворот – это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского – меньшевистского, – поднимается против восстания»⁷⁹.

Партия большевиков вышла с честью из этого испытания, вступив в вооруженную борьбу за власть, и тем самым выказала свои в высшей степени революционные качества.

⁷⁸ Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Л., 1991. С. 99.

⁷⁹ Там же, с. 73.

Пролетариат берет курс на восстание

В феврале 1917 года сложилась ситуация, известная как «двоевластие». Одновременно с буржуазным государством возникли в качестве альтернативы советы – потенциальное правительство рабочего класса. Поскольку две противостоящие друг другу власти двух враждебных классов не могут сосуществовать, и одна обязательно должна уничтожить другую, чтобы утвердиться в обществе, подобные периоды «двоевластия» всегда отличаются краткостью и нестабильностью. И конечно, не приходится говорить о «мирном сосуществовании» и взаимной терпимости. На самом деле, это решающий этап гражданской войны между трудом и капиталом.

Буржуазные фальсификаторы истории вынуждены затушевывать смертельную борьбу классов, которая разворачивалась между февралем и октябрём 1917 года, чтобы представить Октябрьскую революцию в виде «большевистского путча». «Ненормальное» продление этого периода «двоевластия» неизбежно повлекло бы за собой поражение революции и ее органов. «Совет рабочих и солдатских депутатов реален лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно противопоставили повторения без конца резолюций и протестов»⁸⁰. Если восстание было не более стихийным, чем контрреволюционный военный переворот, то в месяцы перед октябрём оба класса не раз выражали стихийное стремление бороться за власть. Наиболее яркими проявлениями этого стали июльские дни и корниловский путч. Октябрьское восстание началось на самом деле не с сигнала, поданного большевиками, а с попытки буржуазного правительства отправить на фронт наиболее революционные военные части (две трети петроградского гарнизона) и заменить их контрреволюционными батальонами. Иными словами, всего через несколько недель после выступления Корнилова буржуазия предприняла новую попытку подавления революции, что вынудило пролетариат прибегнуть к восстанию ради ее спасения.

«Исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, predetermined в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. [...] С того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались вы-

⁸⁰ Ленин В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд // ПСС. Т. 34. С. 343.

ступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание...»⁸¹.

Кроме того, этот Военно-революционный комитет, который должен был обеспечить ведение решающих боевых действий 25 октября, *изначально не являлся органом большевиков*; он был создан по инициативе «левых» контрреволюционных партий, чтобы заставить вывести революционные войска из столицы под прикрытием авторитета советов; но городской совет быстро трансформировал его в орган борьбы за власть пролетариата.

«Нет, власть советов не была химерой, произвольной конструкцией, изобретением партийных теоретиков. Она непреодолимо росла снизу, из распада хозяйства, бессилья имущих, нужды масс; советы на деле становились властью – для рабочих, солдат, крестьян иного пути не оставалось. О власти советов уже не время было мудрить и препираться: ее нужно было осуществлять»⁸². Миф о большевистском путче является одним из вопиющих обманов в истории. В действительности о восстании было публично объявлено заранее избранным революционным делегатам. Примером служит выступление Троцкого на Гарнизонном совещании 18 октября: «Буржуазии известно, что Петроградский Совет предложит съезду советов взять власть в свои руки. И вот, в предвиденье неизбежного боя буржуазные классы пытаются обезоружить Петроград. При первой попытке контрреволюции сорвать съезд мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца»⁸³. В 3 пункте резолюции, принятой Гарнизонным совещанием, говорилось: «Всероссийский съезд советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб»⁸⁴. Чтобы убедиться в единодушной поддержке восстания пролетариатом, совещание решило провести мирный смотр своих сил в Петрограде перед съездом советов: «Десятки тысяч омывали здание Народного Дома... На железных колоннах и окнах висели гирлянды и гроздья человеческих голов, ног, рук. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует близкий разряд. Долой Керенского! Долой войну! Власть Советам! Никто из соглашателей не смел уже выступать перед этими докрасна накаленными толпами с возражениями или предостережениями. Слово принадлежало большевикам». И далее Троцкий пишет: «Опыт революции, войны, тяжелой борьбы, всей горькой жизни поднимается из глубин памяти каждого угнетенного нуждою человека и вкладывается в эти простые и повелительные

⁸¹ Троцкий Л.Д. Уроки Октября. С. 106-107.

⁸² Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 74.

⁸³ Там же, с. 98.

⁸⁴ Там же, с.104.

лозунги. Так дальше не может идти. Надо проломить выход к будущему»⁸⁵.

Партия не выдумала «стремление масс взять власть в свои руки». Но она поддерживала его и заверяла рабочий класс в своей способности осуществить это массовое стремление. Как писал Ленин после корниловского путча: «Пусть учатся на этом историческом примере все маловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: "У нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат". Ибо этот аппарат *есть*. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс – и вы увидите *во всех* областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины»⁸⁶.

Задача момента – разрушение буржуазного государства

Восстание является одной из ключевых и сложнейших проблем, которые пролетариату настоятельно требуется разрешить, чтобы выполнить свою историческую миссию. В буржуазной революции данный вопрос имел далеко не столь решающее значение, поскольку в борьбе за власть буржуазия могла опираться на тех, кого уже покорила экономически и политически в рамках феодального общества. Во время революции буржуазия позволяла мелкой буржуазии и нарождавшемуся рабочему классу сражаться за нее. Но едва лишь развеивался пороховой дым битвы, как она охотно передавала только что завоеванную власть в руки обуржуазившегося и прирученного класса феодалов, дабы не нарушать сложившуюся традицию. У пролетариата же в капиталистическом обществе нет ни собственности, ни экономической власти. И он не может перепоручать борьбу за власть и защиту завоеванного в ходе ее классового господства никакому другому общественному классу или слою. Он должен *сам* захватить власть при поддержке других слоев трудящихся, быть авангардом борьбы, взять на себя всю ответственность за любые последствия своих действий. В восстании пролетариат раскрывает как никогда ясно «тайну» своего существования – *он первый и последний в истории класс, который является эксплуатировемым и одновременно революционным классом*. Так что не нужно удивляться тому, как тщится буржуазия опорочить память Октября!

Первоочередной задачей пролетариата в революции, начиная с февраля, стало привлечение на свою сторону те слои общества, кото-

⁸⁵ Там же, с. 107-108.

⁸⁶ Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции // ПСС. Т. 34. С. 204.

рые могли как помочь ему, так и выступить против него: солдат, крестьян, чиновников, транспортных служащих, вплоть до слуг. Накануне восстания он эту задачу выполнил.

Задача же восстания коренным образом от нее отличалась: она состояла в том, чтобы сломить сопротивление государственных органов и их вооруженных формирований, которых нельзя было привлечь на свою сторону и чье дальнейшее существование могло привести к победе самую варварскую контрреволюцию. Чтобы сделать это и разрушить буржуазное государство, пролетариату нужно было создать собственные вооруженные силы, подчинявшиеся его руководству и железной дисциплине. Так, ударные отряды 25 октября состояли в основном из солдат под командованием рабочих. «Октябрьская революция была борьбой пролетариата против буржуазии за власть. Но решал исход борьбы в последнем счете мужик... То, что придало здесь перевороту характер короткого удара с минимальным количеством жертв, это сочетание революционного заговора, пролетарского восстания и борьбы крестьянского гарнизона за самосохранение. Руководила переворотом партия; главной движущей силой был пролетариат; вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решал исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон»⁸⁷. По существу, пролетариат смог захватить власть, так как сумел привлечь другие неэксплуататорские слои населения к реализации своего классового проекта. *Ничего общего с «путчем»!*

«Демонстраций, уличных боев, баррикад, всего того, что входит в привычное понятие восстания, почти не было: революции незачем было разрешать уже разрешенную задачу. Захват правительственного аппарата можно было выполнить по плану, при помощи сравнительно немногочисленных вооруженных отрядов, направляемых из единого центра... Спокойствие на октябрьских улицах, отсутствие толп и боев давали противникам повод говорить о заговоре ничтожного меньшинства, об аванюре кучки большевиков... В действительности же большевики могли свести в последний момент борьбу за власть к "заговору" не потому, что были маленьким меньшинством, а, наоборот, потому, что имели за собою в рабочих кварталах и казармах подавляющее большинство, сплоченное, организованное, дисциплинированное»⁸⁸.

Выбор подходящего момента имеет ключевое значение для взятия власти

С технической точки зрения коммунистическое восстание – всего лишь вопрос военной организации и стратегии. Политически же эта

⁸⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 159-160.

⁸⁸ Там же, с. 261-262, 263.

задача подразумевает гораздо большее, чем обыкновенно себе представляют. Из всех задач наисложнейшая – *выбрать подходящий момент* для начала борьбы за власть: ни слишком рано, ни слишком поздно. В июле 1917 года, даже в августе, во время корниловского путча, когда большевики сдерживали класс, готовый ввязаться в схватку, главной опасностью представлялось преждевременное восстание; но в сентябре Ленин уже неустанно призывал готовиться к вооруженной борьбе, объявив: «Сейчас или никогда!»

«Революционную ситуацию невозможно по произволу консервировать. Если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем. Вместо твердого руководства массы нашли бы у большевиков все то же, уже опостылевшее им расхождение между словом и делом и отхлынули бы от обманувшей их ожидания партии в течение двух-трех месяцев, как перед тем отхлынули от эсеров и меньшевиков»⁸⁹. Вот почему, когда Ленин боролся против промедления в борьбе за власть, он не только подчеркивал контрреволюционные намерения мировой буржуазии, но и предостерегал от губительных последствий колебаний для самих рабочих, уже «почти отчаявшихся». Голодный народ может спонтанно начать все крушить вокруг себя, если большевики не сумеют повести его в решающий бой: «Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и полной разрухой при повальном бегстве солдат, если они (уже близкие к отчаянию) дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы»⁹⁰.

Выбрать подходящий момент – значит точно оценить не только межклассовое соотношение сил, но и процессы, происходящие в промежуточных слоях. «Революционная ситуация не долговечна. Наименее устойчивой из предпосылок переворота является настроение мелкой буржуазии. Во время национальных кризисов она идет за тем классом, который не только словом, но и делом внушает ей доверие к себе. Будучи способна на импульсивный подъем, даже на революционное неистовство, мелкая буржуазия лишена выдержки, легко теряет дух при неудаче и от пламенных надежд переходит к разочарованию. Острые и быстрые смены ее настроений и придают такую неустойчивость каждой революционной ситуации. Если пролетарская партия недостаточно решительна, чтобы своевременно превратить ожидания и надежды народных масс в революционное действие, прилив быстро сменяется отливом: промежуточные слои отвращают свои взоры от революции и ищут спасителя в противоположном лагере»⁹¹.

⁸⁹ Там же, с. 141.

⁹⁰ Ленин В.И. Письмо к товарищам // ПСС. Т. 34. С. 411.

⁹¹ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 160.

Искусство восстания

Стараясь убедить партию в необходимости немедленного восстания, Ленин обратился к широко известной аргументации Маркса, изложенной в работе «Революция и контрреволюция в Германии». «Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное "восстание, как и война, есть искусство"» – подчеркивал Ленин, отмечая, что забвение его правил преступно и губительно. Важнейшие из них, по Марксу, это: никогда не останавливаться на полпути, когда восстание уже началось; всегда наступать, поскольку «оборона есть смерть вооруженного восстания»; захватывать врага врасплох и деморализовать его своими ежедневными успехами, «хоть маленькими», но вынуждающими его отступать; короче, действовать, руководствуясь словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость». Как говорил Ленин: «Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, – такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*». И добавлял: «Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса. Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы»⁹².

Для этого пролетариату необходимо было создать свои органы борьбы за власть, военный комитет и вооруженные отряды. «Как кузнецу не дано голою рукою схватить раскаленное железо, так пролетариат не может голыми руками взять власть: ему нужна приспособленная для этой задачи организация. В сочетании массового восстания с заговором, в подчинении заговора восстанию, в организации восстания через заговор состоит та сложная и ответственная область революционной политики, которую Маркс и Энгельс называли "искусством восстания"»⁹³.

Именно централизация, координация и заранее обдуманый план действий позволили пролетариату сломить последнее сопротивление правящего класса, нанеся, таким образом, мировой буржуазии столь мощный удар, что она до наших дней не забыла и не простила его. «Стихийным восстанием историки и политики называют обыкновенно такое движение масс, которое, будучи связано враждою к старому режиму, не имеет ни ясных целей, ни выработанных методов борьбы, ни руководства, сознательно ведущего к победе. Стихийное восстание пользуется благожелательным признанием официальных историков... как неотвратимое бедствие, ответственность за которое падает на старый режим... То, что она отрицает в качестве "бланкизма" или, еще

⁹² Ленин В.И. Советы постороннего // ПСС. Т. 34. С. 383, 384, 385.

⁹³ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 154.

хуже, большевизма, – это сознательную подготовку переворота, план, заговор»⁹⁴.

В еще большую ярость приводит буржуазию дерзость, с которой рабочий класс вырвал у нее власть. Мировая буржуазия знала о подготовке восстания. Но ни место, ни время его ей было не известно. Их выбрал пролетариат и, нанося решающий удар, в полной мере воспользовался преимуществом неожиданности. Буржуазия надеялась и верила, что противник ее окажется столь наивен и «демократичен», что поставит вопрос о восстании публично, в присутствии правящего класса, на Всероссийском съезде советов в Петрограде. Там-то она и рассчитывала саботировать принятие решения. Но делегаты съезда прибыли в столицу уже в разгар восстания, и правящий класс пребывал в нерешительности. Петроградский пролетариат через свой Военно-революционный комитет передал власть Съезду Советов, и буржуазия ничего не смогла предпринять. Путч! Заговор! – до сих пор вопит буржуазия. На что Ленин отвечал: путч – нет, заговор – да. Но заговор, подчиненный воле масс и потребностям восстания. Троцкий отмечал: «Чем выше по своему политическому уровню революционное движение, чем серьезнее его руководство, тем большее место занимает заговор в народном восстании»⁹⁵.

Является ли большевизм разновидностью бланкизма? Сегодня об этом твердит правящий класс. «Большевикам не раз, еще задолго до Октябрьского переворота, приходилось опровергать направлявшиеся против них противниками обвинения в заговорщичестве и бланкизме. Между тем никто не вел такой непримиримой борьбы против системы чистого заговора, как Ленин. Оппортунисты международной социал-демократии не раз брали под свою защиту старую эсеровскую тактику индивидуального террора против агентов царизма от безжалостной критики большевиков, которые индивидуалистическому авантюризму интеллигенции противопоставляли курс на восстание масс. Но отвергая все разновидности бланкизма и анархизма, Ленин ни на минуту не склонялся перед "святой" элементарностью масс». И Троцкий отмечал: «Заговор не заменяет восстания. Активное меньшинство пролетариата, как бы хорошо оно ни было организовано, не может захватить власть независимо от общего состояния страны: в этом бланкизм осужден историей. Но только в этом. Прямая теорема сохраняет всю свою силу. Для завоевания власти пролетариату недостаточно стихийного восстания. Нужна соответственная организация, нужен план, нужен заговор. Такова ленинская постановка вопроса»⁹⁶.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, с. 153.

⁹⁶ Там же, с. 156-157, 155.

Партия и восстание

Известно, что Ленин, первым абсолютно ясно осознавший необходимость борьбы за власть в октябре и разработавший несколько планов восстания, причем в одном из них делался упор на Финляндию и Балтийский флот, а в другом на Москву, – некоторое время выступал за то, чтобы восстание организовывал не орган советов, а непосредственно партия большевиков. События показали, что организация восстания и руководство им созданным Советом Военно-революционным комитетом, в котором партия имела преобладающее влияние, являлись лучшей гарантией успеха дела, поскольку данные революционные органы представляли класс в целом, а не только сторонников партии.

Однако буржуазные историки истолковывают точку зрения Ленина таким образом, будто для него революция являлась частным делом партии, а не народных масс. Иначе почему, вопрошают они, он так настаивал на том, чтобы объявить восстание, не дожидаясь Съезда Советов? На самом же деле поведение Ленина полностью соответствовало марксизму и отражало его исторически обоснованное доверие пролетарским массам. «Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!»⁹⁷.

На самом деле, кто бы ни осуществил восстание, все большевистские лидеры были согласны в том, чтобы сразу же передать завоеванную власть Всероссийскому съезду советов. РСДРП(б) прекрасно понимала, что революция – дело не одной партии или петроградских рабочих, а всего пролетариата. Но в том, что касалось непосредственно организации восстания, Ленин совершенно верно полагал, что именно органы рабочего класса более других приспособлены к выполнению задачи военного планирования и политического руководства борьбой за власть. События показали, что Троцкий был прав, доказывая, что для выполнения этой задачи более всего приспособлен специально созданный орган советов, находящийся под непосредственным влиянием партии. Спор велся не только о принципах, но и о более эффективных способах действия. Ленин не хотел возлагать данную задачу

⁹⁷ Ленин В.И. Письмо членам ЦК // ПСС. Т. 34. С. 436.

целиком на советский аппарат, поскольку это роковым образом замедлило бы организацию восстания и привело к раскрытию его планов врагу. Потребовалось пережить трагический опыт всей революции, чтобы спустя несколько лет левые коммунисты однозначно заявили: *партия призвана осуществлять политическое руководство борьбой за власть и диктатурой пролетариата, но она не должна брать власть в свои руки*. В 1917 году ясной позиции по этому вопросу не было и не могло быть ни у Ленина, ни у других большевиков, ни у немецких спартаковцев. Но в том, что касается «искусства восстания» как такового, революционного терпения и даже благоразумия, позволившего не допустить столкновения раньше времени, в том, что касается революционной смелости при взятии власти, – более всего можно научиться у Ленина. История доказала, что Ленин был прав прежде всего по вопросу о роли партии в восстании: массы берут власть, советы осуществляют организацию, но именно классовая партия является самым необходимым оружием в борьбе за власть. В июле 1917 года партия не допустила тяжкого поражения рабочего класса. В октябре 1917-го именно она указала пролетариату путь. *Без ее руководства он не взял бы власть*.

Ленин против Сталина

Озлобленная буржуазия выдвигает свой «последний» аргумент: октябрьская революция привела к сталинизму! *Но на самом деле к сталинизму привела буржуазная контрреволюция, поражение мировой революции в Западной Европе, изоляция Советского Союза в окружении капиталистических государств, поддержка всемирной буржуазией нарождавшейся национальной бюрократии в России, что обернулось против пролетариата и большевиков*. Необходимо напомнить, что в решающие октябрьские недели 1917 года, как и в предыдущие месяцы, *внутри большевистской партии существовало течение, которое находилось под влиянием буржуазной идеологии и противилось восстанию*. Его опасным представителем являлся Сталин. Уже в марте 1917-го он выступал глашатаем тех членов партии, которые хотели отказаться от революционных интернационалистских позиций, поддержать Временное правительство, продолжать империалистическую войну и объединиться с меньшевиками. Когда Ленин в октябре призвал к восстанию, Сталин, будучи издателем печатного органа партии, умышленно задержал публикацию ленинских текстов, а статьи Зиновьева и Каменева – противников восстания, которые нередко бросали вызов партийной дисциплине, были напечатаны, и создавалось впечатление, будто в них изложена партийная позиция. Ленин даже угрожал выйти из состава Центрального Комитета партии. Сталин продолжал утвер-

ждать, будто Ленин, Зиновьев и Каменев разделяют «одно и то же мнение», в то время как за первым стояла вся партия, и он ратовал за немедленное восстание – а двое других открыто саботировали партийные решения. Во время восстания политический авантюрист Сталин «исчез»; на самом деле он выжидал, куда подует ветер. Борьба Ленина и партии против «сталинизма» – который в 1917 году означал махинации и лицемерный саботаж восстания (надо признать, что, в отличие от Сталина, Зиновьев и Каменев, по крайней мере, действовали открыто) – возобновилась в последние годы жизни Владимира Ильича, на сей раз в значительно более неблагоприятных исторических условиях.

Вершина человеческой истории

Не обыкновенный государственный переворот, как лживо заявляет правящий класс, а *вершина человеческой истории – вот что такое Октябрьская пролетарская революция*. Впервые эксплуатируемый класс нашел в себе мужество и сумел вырвать власть из рук эксплуататоров и положить начало мировой революции. Даже если революцию эту ожидало быстрое поражение в Берлине, Будапеште и Турине, а российский и мировой пролетариат заплатил за него страшной ценой (ужасы контрреволюции, Вторая мировая война и все то варварство, которое продолжается до сих пор), буржуазия никогда не могла стереть из памяти рабочих это величайшее событие и его уроки. Сегодня, когда идеология и мысль правящего класса отмечены распадом с его разнузданным индивидуализмом, антисоциальным нигилизмом, мракобесием, когда процветают такие реакционные тенденции, как расизм и национализм, мистицизм и примитивизм, когда растоптаны последние остатки веры в прогресс человечества – лишь Красный Октябрь, точно маяк, указывает борцам за социальную свободу путь. Память об Октябре всегда напоминает пролетариату о том, что будущее человечества – в его руках, и он в силах выполнить свои задачи. Пролетарская классовая борьба, осмысление своей истории, защита и развитие научного марксистского метода – вот октябрьская программа. И сегодня это программа – будущего человечества. Как писал Троцкий в заключение своей «Истории русской революции»: «Историческое восхождение человечества, взятое в целом, можно резюмировать как цепь побед сознания над слепыми силами – в природе, в обществе, в самом человеке. Критическая и творческая мысль наибольшими успехами могла похвалиться донныне в борьбе с природой. Физико-химические науки подошли уже к тому пункту, когда человек явно готовится стать хозяином материи. Но общественные отношения по-прежнему складываются наподобие коралловых островов. Парламентаризм осветил только поверхность общества, да и то достаточно искусственным све-

том. По сравнению с монархией и другими наследиями антропофагии и пещерной дикости, демократия представляет, конечно, большое завоевание. Но она оставляет нетронутой слепую игру сил в социальных взаимоотношениях людей. Именно на эту наиболее глубокую область бессознательного впервые поднял руку октябрьский переворот. Советская система хочет внести цель и план в самый фундамент общества, где до сих пор царили только накопленные последствия»⁹⁸.

⁹⁸ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 309.

ВАЖНЕЙШАЯ РОЛЬ ПАРТИИ

Бесспорно одно: ненависть и презрение буржуазии к начавшейся в России в 1917 году пролетарской революции, побуждающие буржуазных идеологов всячески порочить память о ней, направлены, прежде всего, на политическую организацию, которая выступала носителем духа массового революционного движения – партию большевиков. Это не должно удивлять нас: со времен Союза коммунистов и I Интернационала буржуазия неизменно делала вид, что «прощает» массы бедных рабочих, обманутых заговорами и интригами революционных меньшинств, а самих революционеров рисовала воплощением абсолютного зла. По мнению капитала, самой вредоносной из подобных организаций являлась РСДРП(б), которой удалось «свернуть рабочих с пути истинного» дальше, чем всякой иной революционной партии в истории.

Важной составляющей антибольшевистской кампании является идея о том, что большевизм при всех своих рассуждениях о марксизме и мировой революции являлся, в первую очередь, проявлением российской отсталости. Старая песня – об этом любил порассуждать еще «ренегат Каутский» после Октябрьского восстания. Со временем тема обрела академическую респектабельность, в частности, нашла яркое отражение в одном из лучших исследований, посвященных лидерам революции в России – «Трое, совершившие революцию» Бертрама Вольфа; в его работе, вышедшей в 1950-е гг., особое внимание уделяется Ленину.

Согласно данной концепции, ленинское понятие политической организации, ограниченной «узким кругом» убежденных революционеров, ближе к заговорщическим представлениям «народников» и Бакунина, чем к идеям Маркса. Нередко историки противопоставляют его более «продуманной», «европейской» и «демократической» концепции меньшевиков. Из чего делается вывод о том, что, поскольку форма революционной организации обуславливает форму самой революции, демократическая организация меньшевиков обеспечила бы России в будущем демократию, а диктатурщики-большевики и привели к установлению в стране диктатуры.

Подобные идеи распространяют не только официальные «рупоры» буржуазии. В несколько иной форме их выдвигают и анархисты различных направлений, которые применительно к революции в России руководствуются подходом «а мы же вам говорили». «Мы с самого начала знали, что большевизм не несет ничего хорошего и плохо кончится; только к таким результатам и могут привести все рассуждения о партии, государстве переходного периода и диктатуре пролетариата».

Мы не станем здесь опровергать всякого рода клевету на большевизм, а ограничимся рассмотрением только двух основных эпизодов российской революции, которые раскрывают роль авангарда в революционной борьбе рабочего класса: «Апрельских тезисов», выдвинутых Лениным по возвращению в Россию в 1917 году, и июльских событий.

Апрельские тезисы – путеводный луч пролетарской революции

«Апрельские тезисы», краткий и точный документ, послужит нам отправной точкой для опровержения всех домыслов о большевистской партии и поможет лишний раз подтвердить: эта партия не являлась порождением русского варварства, детищем анархо-терроризма или беспредельной жажды власти у ее вождей. В первую очередь *большевизм был творением мирового пролетариата*. Неразрывно связанный со всей марксистской традицией, он представлял собой не зародыш новой формы эксплуатации и угнетения, а *авангард движения за отмену эксплуатации и угнетения вообще*.

От февраля к апрелю

В конце февраля 1917 года петроградские рабочие и работницы начали массово бастовать против невыносимых условий жизни, вызванных империалистической войной. Очень быстро движение выдвинуло политические лозунги, пролетариат призвал к прекращению войны и свержению самодержавия. За несколько дней забастовка распространилась на многие города, большие и малые, рабочие захватывали оружие и братались с солдатами. Массовая стачка переросла в восстание.

Используя опыт 1905 года, пролетарии создали центральные органы борьбы – советы рабочих депутатов, избираемые заводскими собраниями, которые в любой момент могли отозвать своих уполномоченных. В отличие от 1905 года, их примеру активно последовали солдаты и крестьяне.

Правящий класс, сознавая, что дни самодержавия сочтены, сам избавился от царя и призвал либеральные и «левые» партии, в особенности элементы, некогда бывшие пролетарскими и перешедшие в лагерь буржуазии вследствие поддержки войны, создать временное правительство с целью установления в России системы парламентской демократии. Однако возникла ситуация двоевластия, поскольку рабочие и солдаты полностью доверяли только своим советам, а буржуазное временное правительство не было достаточно сильно, чтобы не считаться с ними и тем более ликвидировать их. Однако глубокую линию раздела между классами частично скрывал туман демократической эй-

фории, окутавший страну после Февральского восстания. Избавившись от царя, народ радовался безграничной свободе; казалось, все стали на сторону «революции» – даже демократические союзники России, полагавшие, что это придаст ей сил для эффективного продолжения войны. Так временное правительство предстало в качестве хранителя революции; политическое преобладание в советах получили меньшевики и эсеры, которые делали все, что могли, дабы лишить эти органы возможности противостоять новоиспеченному буржуазному режиму. Коротко говоря, массовые стачки и выступления – которые в действительности являлись проявлением международного революционного движения, охватившего к концу войны все ведущие капиталистические страны – буржуазия обратила к собственной выгоде.

А как вели себя большевики в ситуации, полной опасностей и при этом открывавшей множество возможностей? Они пребывали в полном замешательстве. «Первый месяц революции был для большевизма временем растерянности и шатаний. В “Манифесте” Центрального Комитета большевиков, составленном сейчас же после победы восстания, говорилось, что “рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство”. [...] Они действовали не как представители пролетарской партии, которая готовится открыть самостоятельную борьбу за власть, а как левое крыло демократии, которое, провозглашая свои принципы, собирается в течение неопределенно долгого времени играть роль лояльной оппозиции»⁹⁹.

Когда Сталин и Каменев в марте 1917 года взяли в свои руки партийное руководство, его курс сместился еще правее. Сталин развивал теорию о том, что временное правительство и советы взаимно дополняют друг друга. Более того, «Правда», официальный орган партии, занял откровенно «оборонческую» позицию: «Не бессодержательное “Долой войну” – наш лозунг. Наш лозунг – давление на Временное правительство с целью заставить его... выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров... А до тех пор каждый остается на своем боевом посту!»¹⁰⁰.

Троцкий рассказывает, что многие члены партии выражали глубокую обеспокоенность и даже недовольство подобным оппортунистическим уклоном в партии. Но они были не способны противопоставить аргументы программно-теоретического характера линии партийного руководства, тем более, что оно как будто разделяло ленинский, официальный курс партии последних десяти лет на установление «демократической диктатуры рабочих и крестьян». Сущность этой доктрины состояла в том, что революция в России является буржуазной, однако

⁹⁹ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. С. 282.

¹⁰⁰ Там же, с. 286-287.

сама российская буржуазия слишком слаба, чтобы совершить ее. Таким образом, задача капиталистической модернизации страны ложится на пролетариат и беднейшие слои крестьянства. Сторонники подобной позиции занимали промежуточное положение между меньшевиками (которые считали себя «ортодоксальными» марксистами и, как следствие, полагали, что пролетариат должен оказывать буржуазии критическую поддержку в борьбе с самодержавием вплоть до тех пор, пока Россия не созреет до социализма) и Троцким, разработавшим после 1905 года теорию «перманентной революции». Согласно ей, рабочий класс устремится к власти в грядущей революции, преодолет ее буржуазные рамки и выведет на новый, социалистический этап, но победа ее возможна лишь при поддержке социалистических революций в промышленно развитых странах.

По существу, теория Ленина ярко отражала реалии своего времени: буржуазия в России определенно не являлась революционной силой, однако нельзя было с той же определенностью утверждать, что настал час мировой социалистической революции. Однако позиция Троцкого имела то преимущество, что учитывала международные, а не только чисто российские факторы; и Ленин, несмотря на свои многочисленные и острые разногласия с Троцким в то время, после событий 1905 года неоднократно высказывал идеи, сходные с положениями теории перманентной революции.

Идея «демократической диктатуры рабочих и крестьян» в тогдашних условиях *утратила смысл*: «ортодоксальные ленинцы», повторявшие эту формулировку в 1917 году, просто-напросто *прикрывали ею свое сближение с меньшевизмом*. Каменев подчеркивал необходимость оказывать критическую поддержку Временному правительству, поскольку буржуазно-демократический этап пока не пройден: это лишь с большой натяжкой согласовывалось с изначальной концепцией Ленина, который настаивал на том, что буржуазия непременно сговорится с самодержавием. Имели место даже серьезные попытки воссоединения меньшевиков и большевиков.

Так *политически разоружившаяся большевистская партия склонялась к компромиссу и предательству*. Будущее революции оказалось под вопросом, когда Ленин возвратился из эмиграции.

В своей «Истории русской революции» Троцкий подробно описывает прибытие Ленина на Финляндский вокзал в Петрограде 3 апреля 1917 года. Петроградский совет, где в то время доминировали меньшевики и эсеры, устроил грандиозную приветственную церемонию в честь лидера большевиков. От имени Совета Чхеидзе встретил Ленина такими словами: «Товарищ Ленин, ...мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств

как изнутри, так и извне... Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели»¹⁰¹.

С ответом Ленин обратился не к делегации Совета, а к сотням рабочих и солдат, собравшихся на вокзале: «Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»¹⁰².

Так Ленин испортил демократический праздник с самого своего прибытия. В ту же ночь лидер большевиков изложил свою позицию в двухчасовой речи, еще больше ошеломившей сентиментальных демократов и социалистов, которые хотели, чтобы революция остановилась на достигнутом в феврале и приветствовали массовые стачки, изгнавшие царя и позволившие создать Временное правительство. На следующий день на общем собрании большевиков и меньшевиков Ленин зачитал текст, получивший название «Апрельские тезисы». Они заслуживают того, чтобы привести их целиком.

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки "революционному оборончеству".

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

¹⁰¹ Цит. по: Там же, с. 292.

¹⁰² Там же.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, "требования", чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. батр. депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение землею мест-

ными Сов. батр. и крест. депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не "введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование "государства-коммуны",

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против "центра"¹⁰³.

Борьба за перевооружение партии

Залежский, в то время член ЦК РСДРП(б), так описывает воздействие этого текста на партию и движение: «Тезисы Ленина произвели впечатление разорвавшейся бомбы»¹⁰⁴. Первой реакцией было недоверие, а затем на Владимира Ильича обрушился град проклятий: он, дескать, слишком долго находился в эмиграции и оторвался от российской действительности, его мнение о характере революции отдает «троцкизмом», а идея о взятии власти советами – возврат к бланкизму, авантюризму, анархизму. Как писал бывший член ЦК РСДРП(б) Гольденберг, стоявший в то время вне партии: «Много лет место Бакунина в русской революции, оставалось незанятым, теперь оно занято Лениным»¹⁰⁵. Каменев считал, что ленинская позиция помешает большевикам действовать как массовой партии, и они уподобятся «группе коммунистических пропагандистов».

Не в первый раз «старые большевики» упорно цеплялись за привычные формулировки. В 1905 году первая реакция большевиков на образование советов была вызвана упрощенной интерпретацией критики, которой Ленин подверг «кустарничество» в работе «Что делать?»

¹⁰³ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // ПСС. Т. 31. С. 113-118.

¹⁰⁴ Цит. по: Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 306.

¹⁰⁵ Там же, с. 305.

Тогда партийное руководство призвало Петроградский совет либо подчиниться партии, либо самораспуститься. Сам Владимир Ильич, одним из первых осознав революционное значение совета как пролетарского органа политической власти, категорически осудил подобную трактовку и заявил, что не следует выбирать одно из двух, «совет или партию» – необходимы оба, ибо они дополняют друг друга. Так Ленин преподавал «ленинистам» очередной урок марксистской методологии, продемонстрировав, что марксизм – не мертвая догма, а живая научная теория, которую следует постоянно сопоставлять с практикой социального движения. «Апрельские тезисы» служат примером способности марксизма отвергать, приспособлять, изменять или обогащать прежние позиции в свете опыта классовой борьбы:

«Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

"Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни"»¹⁰⁶. И в этом же письме Ленин осуждает тех «старых большевиков», «которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности»¹⁰⁷.

По мнению Ленина, «демократическая диктатура» уже нашла свое воплощение в советах рабочих и крестьянских депутатов, а значит, данное требование больше не актуально. Основной задачей большевиков становилось теперь содействие усилению пролетарской направленности массового народного движения с ориентацией на формирование в России государства-коммуны как передового поста мировой социалистической революции. Можно поспорить с Лениным о значимости и актуальности подобной формулировки, потому что слово «государство» не подходит для описания социальной сущности Советов, но все же главное в его подходе – это то, что он способен был предвидеть будущее развитие событий и осознавал необходимость отказа от устаревших теорий.

Марксистский метод не только диалектичен и динамичен; он глобален, то есть рассматривает каждую проблему в интернациональном и историческом контексте. И именно это позволило Ленину осознать подлинное значение событий. Начиная с 1914 года большевики, с ним во главе, отстаивали наиболее последовательную антивоенную позицию, *видя в империалистической войне проявление упадка мирового капитализма*, а также начало новой эпохи всемирной пролетарской

¹⁰⁶ Ленин В.И. Письма о тактике // ПСС. Т. 31. С. 134.

¹⁰⁷ Там же, с. 133.

революции. Это стало краеугольным камнем идеи «превращения империалистической войны в гражданскую», которую Ленин защищал от нападок всякого рода шовинистов и пацифистов. Твердо стоя на подобных позициях, лидер большевиков не мог и мысли допустить о том, что приход к власти Временного правительства изменит империалистический характер войны, и не щадил своих товарищей по партии, впадавших в подобное заблуждение: «"Правда" требует от правительства, чтобы оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтобы оно отказалось от аннексий – чепуха, вопиющая издевка...»¹⁰⁸.

Твердое следование интернационалистской позиции в вопросе о войне необходимо, чтобы предотвратить скатывание партии к оппортунизму. Но оно служит также и отправной точкой для отказа от идеи «демократической диктатуры» и всякого меньшевистского оправдания поддержки буржуазии. На аргумент о том, что отсталая Россия еще не созрела для социализма, Ленин отвечает как подлинный социалист: «Наша непосредственная задача» – «не "введение" социализма» (8 тезис).

Сама по себе Россия для социализма не созрела, но империалистическая война показала, что мировой капитализм – уже более чем перерзл. В этом смысл приветствия Ленина, обращенного к рабочим на Финляндском вокзале: взяв власть, русские рабочие выступят как авангард международной армии пролетариата. Отсюда и призыв в Тезисах к созданию нового Интернационала. Для Ленина, как и для всех подлинных интернационалистов того времени, мировая революция – не только благое пожелание, но и конкретная перспектива, начало которой положили выступления мирового пролетариата против войны: забастовки в Великобритании и Германии, политические выступления, бунты и братания в армиях многих стран и, разумеется, революционный подъем в самой России. Эта перспектива, в то время едва намечавшаяся, полностью осуществилась после Октябрьского восстания, когда революционный подъем охватил Италию, Венгрию, Австрию и особенно Германию.

Ленинский «анархизм»

Ревнителю марксистской «ортодоксии» обвиняют Ленина в бланкизме и бакунизме по вопросу о взятии власти и характере послереволюционного государства. В бланкизме, ибо он якобы выступал за совершение государственного переворота группой меньшинства, будь то партия большевиков или промышленный рабочий класс, не принимая в расчет крестьянского большинства населения. В бакунизме, ибо отри-

¹⁰⁸ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 302.

вание в «Тезисах» парламентской республики является уступкой пред-
рассудкам анархистов и анархо-синдикалистов в отношении политики.

В «Письмах о тактике» Ленин следующим образом опровергает
первое обвинение:

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого пере-
прыгивания через не-изжившее себя крестьянское или вообще мелко-
буржуазное движение, от всякой *игры* в "захват власти" рабочим пра-
вительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я
прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно
и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершен-
но исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредст-
венное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь
в мере *сознательного* выступления самого большинства. Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к *борьбе за влия-
ние внутри* Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских
депутатов. Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я *два-
жды* подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой,
"приспосабливающейся к *практическим* потребностям *масс*" работы
"разъяснения"»¹⁰⁹.

Говоря об анархистской позиции в отношении государства, Ленин
подчеркивал в апреле (позднее он развил свой анализ в работе «Госу-
дарство и революция»), что «ортодоксальные» марксисты во главе с
такими деятелями, как Каутский и Плеханов, погребли подлинное уче-
ние Маркса и Энгельса о государстве под кучей парламентского наво-
за. Опыт Парижской Коммуны показал, что задача пролетариата в ре-
волюции – не захватить прежнее государство, а **разрушить его до ос-
нования**; что новое орудие пролетарской власти, государство-коммуна
(тут термин «государство» неуместен, но Ленин подразумевал именно
пролетарское самоуправление, хотя и пользовался этим неудавшимся
термином), будет основываться не на принципе парламентского пред-
ставительства, который, по сути, является лишь фасадом, прикрываю-
щим диктатуру буржуазии, а на прямом делегировании и отзыве деле-
гатов снизу, на самоорганизации вооруженных масс. Создание советов
в революциях 1905 и 1917 гг. не только подтвердило подобную тен-
денцию, но и позволило сделать дополнительный шаг в этом направ-
лении. В то время как Парижская Коммуна являлась «общенародным»
органом, в котором были равно представлены все эксплуатируемые
классы общества, *советы стали более передовой формой*, так как по-
зволили пролетариату организоваться самостоятельно в рамках массо-
вого движения. Следовательно, советы представляют собой новое «го-
сударство», качественно отличающееся от прежнего, буржуазного, –
но все-таки Советы – это власть (или «государство», по терминологии

¹⁰⁹ Ленин В.И. Ук. соч. С. 138.

Ленина); и Ленин тщательно проводит различие между собою и анархистами: «...Анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключаяющей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем "Единстве" об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом»¹¹⁰.

Роль партии в революции

Обвинение Ленина в планировании бланкистского государственного переворота тесно связано с представлением о том, что он стремился передать власть своей партии. Это стало центральной темой буржуазной пропаганды после Октябрьской революции, которую буржуазные идеологи именуют большевистским государственным переворотом. В данной публикации нет возможности подробно проанализировать данное утверждение. Лучше всего это сделал Троцкий в «Истории русской революции», показав, что власть в октябре взяла не партия, а советы. Однако одним из ключевых аспектов упомянутой буржуазной концепции является утверждение о том, что ленинское понимание партии как единой и сильно централизованной организации неизбежно привело к путчу 1917 года и, если смотреть шире, к красному террору и, в конечном итоге, к сталинизму.

И вновь мы возвращаемся к давнему расколу между большевиками и меньшевиками, детальный анализ которого выходит за рамки нашей работы. Достаточно отметить, что с тех самых пор ленинская концепция революционной организации именовалась якобинской, элитистской, милитаризованной и даже террористической. В поддержку подобных представлений ссылаются на таких авторитетных марксистов, как Роза Люксембург и Троцкий. Мы, со своей стороны, не отрицаем, что *воззрения Ленина по организационному вопросу как в этот, так и в последующие периоды, содержат немало ошибок* (например, его согласие в 1902 году с тезисом Каутского о внесении сознательности в рабочий класс извне, хотя впоследствии он от этой идеи отказался; а также ряд его представлений о внутрипартийном режиме, об отношениях между партией и государством и пр.). Однако, в отличие от меньшевиков того времени и следующих за ними анархистов, социал-

¹¹⁰ Там же, с. 138-139.

демократов и коммунистов советов, мы не считаем, что указанные ошибки предопределили все дальнейшие события и не уделяем им особое внимание при анализе Парижской Коммуны или Октябрьской революции. Для нас *отправной точкой является борьба, которую вел Ленин на протяжении всей своей жизни, – борьба за строительство революционной организации, и это является историческим достижением рабочего класса, дающим современным революционерам необходимые основы для понимания того, как должна функционировать революционная организация, и какова ее роль в рабочем классе.*

Вопреки распространенным поверхностным представлениям, «узкое» понимание организации большевиками, которое Ленин противопоставлял «широкой» меньшевистской концепции, не было обусловлено исключительно репрессиями царского правительства. Подобно тому, как массовые стачки и революционные выступления 1905 года являлись не последними отзвуками буржуазных революций XIX века, а возвещали будущую интернациональную классовую борьбу нарождавшейся эпохи упадка капитализма, – большевистская концепция партии, централизованной, состоящей из убежденных революционеров и имеющей четкую программу, *соответствовала условиям упадка капитализма и эпохе пролетарской революции.* По мнению многих противников большевизма, меньшевики при выборе своей организационной модели смотрели не только на запад, но и назад, на старую социал-демократическую модель массовой партии, объединявшей целый класс и представлявшей его, главным образом, на выборах. И вопреки всем утверждениям о том, что большевики приспособились к условиям отсталой России, отдав предпочтение модели группы заговорщиков, *на самом деле они заглядывали далеко вперед, в эпоху грандиозных революционных потрясений, которые партия не может ни организовать, ни объять, ни спланировать. Но именно в тот момент роль ее возрастает как никогда прежде. «Действительно, оставим в стороне методическую теорию о показательной стачке, искусственно срежиссированной партией и профсоюзами и исполненной организованным меньшинством, и представим себе живую картину подлинного народного движения, порожденного крайним обострением классовых конфликтов и политической ситуации. [...] В то время как задача социал-демократии будет состоять не в подготовке технического руководства стачкой, а в политическом руководстве всем движением»¹¹¹.*

Так писала Роза Люксембург в своей важнейшей работе о массовой стачке и новых условиях борьбы интернационального рабочего класса. И, будучи одним из самых яростных критиков Ленина во время раскола РСДРП в 1903 году, – здесь она соглашалась с основными элементами большевистского представления о революционной партии.

¹¹¹ Luxemburg R. Greve de masse, parti et syndicats. P., 1906.

Наиболее ясно эти элементы изложены в «Апрельских тезисах», где отвергается всякое «навязывание» революции сверху: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок». Это «терпеливое, систематическое, настойчивое... разъяснение» как раз и является задачей политического руководства в революционный период. И речи не могло идти о том, чтобы миновать стадию восстания, пока большевистские революционные идеи не получили поддержку большинства в советах. Ибо до этого на позиции Ленина должна была стать партия большевиков, за что требовалось жестко и бескомпромиссно бороться с самого его прибытия в Россию. «Мы не шарлатаны, ...мы должны базироваться только на сознательности масс»¹¹². На начальном этапе революции рабочий класс передал власть буржуазии, и факт этот не должен удивлять марксистов: «Ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится *не* только насилием, а также не-сознательностью, рутинной, забитостью, неорганизованностью масс»¹¹³. Таким образом, *основная задача большевиков состояла в развитии классового сознания и организации рабочих масс.*

Подобная роль не удовлетворяла «старых большевиков», у которых были более «практические» планы. Они хотели участвовать в начавшейся «буржуазной революции» с тем, чтобы РСДРП(б) обрела большее влияние в движении масс. Каменев признавал, что они пришли в ужас при мысли о том, что партия может оказаться на обочине со своими «чистыми» позициями и свестись к «группе коммунистов-пропагандистов».

Ленину не составило труда парировать этот довод – разве шовинисты не прибегают к подобному приему в начале войны, когда доказывали интернационалистам, что они мыслят так же, как и массы, а большевики и спартаковцы превратились в маргинальные секты? И особенно возмутительно было слышать аналогичные аргументы из уст части товарищей-большевиков. Ленин не пытался смягчить резкий тон ответа:

«Тов. Каменев противопоставляет "партию масс" "группе пропагандистов". Но ведь "массы" как раз теперь поддались угару "революционного" оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять "массовому" угару, чем "хотеть остаться" с массами, т. е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием "остаться с массами"? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против "массового" угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент

¹¹² Цит. по: Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 304.

¹¹³ Ленин В.И. Ук. соч. С. 136.

центральным пунктом для *высвобождения* пролетарской линии из "массового" оборонческого и мелкобуржуазного угара? Именно слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о "группе пропагандистов" *пролетарской* линии, пожалуй, не очень-то пристало»¹¹⁴.

Этот подход, эта *готовность пойти против течения и оказаться в меньшинстве*, отстаивая ясные и четкие классовые принципы, не имели ничего общего с чистоплюйством или сектантством. Напротив, они основывались на подлинном понимании процессов, происходящих внутри класса, на способности выражать чаяния самых радикальных элементов пролетариата и одновременно указывать им курс.

Троцкий показывает, как Ленин привлек партию на свою сторону, отстаивая «пролетарскую линию» в рабочем классе в целом: «Против "старых" большевиков Ленин нашел опору в другом слое партии, уже закаленном, но более свежем и более связанном с массами. В февральском перевороте рабочие-большевики, как мы знаем, играли решающую роль. Они считали само собою разумеющимся, что власть должен взять тот класс, который одержал победу. Эти самые рабочие бурно протестовали против курса Каменева-Сталина, а Выборгский район грозил даже исключением "вождей" из партии. То же наблюдалось и в провинции. Почти везде были левые большевики, которых обвиняли в максимализме, даже в анархизме. У рабочих-революционеров не хватало лишь теоретических ресурсов, чтобы отстоять свои позиции. Но они готовы были откликнуться на первый ясный призыв»¹¹⁵.

Это также свидетельствует об овладении Лениным марксистским методом, который позволял за внешними проявлениями общественных процессов видеть подлинную динамику социального движения. И напротив, когда в 20-е гг. сам Ленин возвратился к идее «оставаться с массами» ради оправдания «единого фронта» и организационного сотрудничества с центристскими партиями, это свидетельствовало об отступлении от марксистского метода и сползании к оппортунизму. Что, в свою очередь, явилось результатом изоляции революции и образования партийно-государственной системы. В период революционного подъема в России Ленин «Апрельских тезисов» не был ни одиноким пророком, ни демиургом, возвышавшимся над массами обывателей, – он являлся наиболее последовательным выразителем самого революционного течения в пролетариате, который уверенно и точно указать путь, приведший к Октябрьскому восстанию.

(По материалам «Ревю энтернасьональ», № 89)

¹¹⁴ Там же, с. 144.

¹¹⁵ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 318.

Июльские события: партия срывает провокацию буржуазии

Июльские события 1917 года представляют собой один из важнейших эпизодов не только российской революции, но и всей истории рабочего движения. Дни 3-5 июля были отмечены серьезной конфронтацией между буржуазией и пролетариатом, которая, хотя и завершилась поражением последнего, открыла ему путь к взятию власти в октябре.

3 июля в Петрограде начались массовые стихийные выступления рабочих и солдат с требованием передать всю власть советам. 4 июля полмиллиона вооруженных людей собрались перед зданием Петросовета, призывая его взять власть, однако к вечеру они мирно разошлись по предложению РСДРП(б). 5 июля контрреволюционные войска заняли российскую столицу, стали преследовать большевиков и наиболее боевитых рабочих. И все же, *не взяв власть преждевременно, пролетариат сумел сохранить в целостности свои революционные силы*. Это позволило рабочему классу извлечь основные уроки из произошедшего, в частности, осознать *контрреволюционный характер буржуазной демократии и «левых» сил*, с недавних пор перешедших на службу капиталу, – меньшевиков и эсеров, которые предали дело трудящихся и бедных крестьян и перешли во вражеский лагерь. Ни разу в ходе революции угроза окончательного поражения пролетариата и ликвидации партии большевиков не была столь ощутимой, как в эти драматические 72 часа. Никогда еще доверие самых передовых отрядов пролетариата к их классовой партии, к коммунистическому авангарду, не имело столь огромного значения.

80 лет спустя, в ответ на буржуазные выдумки о «смерти коммунизма» и очернение российской революции и большевизма, организации революционеров должны извлечь уроки из июльских событий и революционного подъема тех лет в целом. Буржуазия лживо утверждает, будто русская революция была «народной» борьбой за буржуазную парламентскую республику; будто Россия являлась «самой свободной страной в мире», пока большевики, «придумавшие» «демагогический» лозунг «вся власть советам», не совершили «путч» и не установили «варварскую диктатуру над огромным большинством трудящегося населения». Однако даже одного – объективного – взгляда на июльские события 1917 года достаточно, чтобы со всей определенностью понять: *большевики были на стороне рабочего класса, а буржуазная демократия – на стороне варварства, насилия и диктатуры незначительного меньшинства над трудовым народом*.

**Циничная провокация буржуазии,
ловушка для большевиков**

Июльские события 1917 года являлись, прежде всего, провокацией буржуазии с целью обезглавить пролетариат, подавив революцию в Петрограде и уничтожив партию большевиков до того, как революционный процесс во всей России не разовьется настолько, что трудящиеся готовы будут взять власть.

Революционные выступления в феврале 1917 года, которые привели к переходу власти от царя к буржуазно-демократическому Временному правительству и к созданию в противовес ему рабочих советов, подлинных центров пролетарской власти, – все эти события стали возможны, прежде всего, благодаря борьбе рабочих против мировой империалистической войны, начавшейся в 1914 году. Однако как Временное правительство, так и партии, получившие большинство в советах – меньшевики и эсеры – настаивали на продолжении войны вопреки воле пролетариата, следуя разбойнической империалистической политике российского капитала. Это придавало – не только в России, но и во всех странах Антанты (антигерманской коалиции) – псевдореволюционную легитимность войне, то есть величайшему преступлению в истории человечества. В феврале-июле 1917 года многие миллионы людей, в том числе цвет мирового рабочего класса, были убиты и искалечены ради того, чтобы те или иные империалистические гангстеры господствовали над миром. Хотя изначально многие российские рабочие поверили вранью новых лидеров, именовавших себя «демократами» и «социалистами», которые утверждали, что нужно продолжать войну, дабы «раз и навсегда добиться справедливого мира без аннексий», – в июне 1917 года пролетариат с удвоенной энергией возобновил революционную борьбу против империалистической бойни. На грандиозной демонстрации 18 июня в Петрограде интернационалистские лозунги большевиков впервые получили поддержку большинства манифестантов. В начале июля самое массированное и кровопролитное наступление российских войск со времени «победы демократии» захлебнулось, немецкая армия в нескольких местах прорвала фронт. Это был наиболее критический момент для российской армии с самого начала войны. Известие о поражении достигло Петрограда раньше, чем провинции, и усилило революционные настроения. В этой крайне напряженной ситуации у буржуазии возникла идея спровоцировать в Петрограде *преждевременное* восстание и подавить его, чтобы затем возложить ответственность за военное поражение на столичных рабочих и большевиков, нанесших якобы «удар в спину» тем, кто сражается на фронте.

Однако объективная ситуация подобному плану не благоприятст-

вовала. Хотя многие петроградские рабочие поддерживали большевиков, *меньшевики и эсеры все еще имели большинство в советах*, а в провинции пользовались преобладающим влиянием. Вообще в рабочем классе, в том числе столичном, пока сильны были иллюзии на счет революционного характера обеих этих партий. Несмотря на радикализацию солдат, в большинстве своем бывших крестьян, значительное число полков еще сохраняло лояльность Временному правительству. Контрреволюция оправилась от дезориентации и дезорганизации, которые последовали за «февральской революцией», и вполне собралась с силами. А буржуазия к тому же припрятала туза в рукаве – сфабрикованные бумаги и свидетельства, призванные доказать, что Ленин и большевики являлись якобы платными агентами кайзера.

Эта ловушка ставила РСДРП(б) перед дилеммой. Если большевики возглавят преждевременное восстание в столице, они дискредитируют себя в глазах российского пролетариата, предстанут безответственными политическими авантюристами и даже пособниками германского империализма. Но если они отмежуются от массового движения, то изолируют себя от рабочего класса, предоставят его своей судьбе. *Буржуазия надеялась, что, как бы ни поступили большевики, они все равно потерпят поражение.*

Контрреволюционная клика «черносотенцев»-антисемитов, организованная западными «демократиями»

Действительно ли противники большевиков были такими славными демократами и защитниками «народной свободы», какими их представляет буржуазная пропаганда? Во главе их стояли кадеты, партия крупных промышленников и землевладельцев, офицерский комитет, представлявший около 100 тысяч офицеров и готовивший военный переворот, так называемый «совет» контрреволюционных казачьих войск, тайная полиция, антисемитские бандиты-черносотенцы и др.: «Вот та среда, из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее и так далее»¹¹⁶, как писал Ленин.

Июльская провокация стала ударом по начинавшейся *мировой революции* со стороны не только русской, но и иностранной буржуазии в лице правительств стран Антанты. В этой лицемерной попытке потопить в крови только назревающую революцию можно разглядеть руку старых демократических буржуазий: французской с ее долгой кровавой традицией подобных провокаций (1791, 1848, 1870 гг.) и британской с ее уникальным политическим опытом. Временный комитет Государственной думы «давал легальное прикрытие контрреволюцион-

¹¹⁶ Ленин В.И. Где власть и где контрреволюция // ПСС. Т. 32. С. 416.

ной работе, которую широко финансировали банки и посольства Антанты»¹¹⁷, как отмечал Троцкий.

«Петроград кишел тайными и полутайными офицерскими организациями, пользовавшимися высоким покровительством и щедрой поддержкой. В секретной информации, которую давал меньшевик Либер почти за месяц до июльских дней, упоминалось, что заговорщики-офицеры имели свой вход к Бьюкенену. Да и могли ли дипломаты Антанты не заботиться о скорейшем пришествии сильной власти?»¹¹⁸

Не большевики, а буржуазия вступила в союз с иностранными правительствами против пролетариата.

Политические провокации кровожадной буржуазии

В начале июля трех подстроенных буржуазией инцидентов оказалось достаточно, чтобы вызвать возмущение в столице.

- Четыре министра от кадетской партии подали в отставку.

В то время как меньшевики и эсеры объясняли свое неприятие лозунга «Вся власть Советам!» необходимостью сотрудничества с «демократической буржуазией», то есть с кадетами, выход этих последних из коалиции определенно имел целью побудить рабочих и солдат вновь потребовать немедленной передачи власти советам.

«Предполагать, что кадеты могли не предвидеть того действия, какое произведет акт открытого саботажа с их стороны по отношению к советам, значило бы решительно недооценивать Милюкова. Вождь либерализма явно стремился втянуть соглашателей в острую ситуацию, выход из которой можно было бы открыть только штыком: в те дни он твердо верил, что смелым кровопусканием можно спасти положение»¹¹⁹.

- Давление Антанты на Временное правительство.

Она требовала подавить революцию силой оружия, иначе союзники грозили от него отвернуться.

«За кулисами нити сосредоточивались в руках посольств и правительств Антанты. На открывшуюся в Лондоне междусоюзническую конференцию западные друзья "позабыли" пригласить русского посла. [...] Издевательство над послом Временного правительства и демонстративный выход кадетов из министерства – оба события произошли 2 июля – имели одну и ту же цель: пригнать соглашателей к земле»¹²⁰.
Партии меньшевиков и эсеров склонялись к буржуазному лагерю. Однако недостаток опыта управления, мелкобуржуазные колебания и наличие в их рядах интернационалистской пролетарской оппозиции по-

¹¹⁷ Троцкий Л.Д. Ук. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 15.

¹¹⁸ Там же, с. 44.

¹¹⁹ Там же, с. 22.

¹²⁰ Там же, с. 110.

мешали им принять непосредственное участие в контрреволюционном заговоре. Но лидеры буржуазии манипулировали ими с целью заставить играть отведенную им роль.

- Угроза отправить столичные полки на фронт.

На самом деле резкому подъему классовой борьбы в ответ на провокации способствовали не рабочие, а солдаты, при политической поддержке не большевиков, а анархистов. «Солдаты были вообще нетерпеливее рабочих: и потому, что им непосредственно угрожала отправка на фронт, и потому, что они гораздо труднее усваивали соображения политической стратегии. Кроме того, у каждого в руках была винтовка, а после февраля солдат склонен был переоценивать ее самостоятельную силу»¹²¹. Солдаты сразу попытались вовлечь рабочих в свое выступление. Они добились решающего успеха в цехах Путиловского завода, крупнейшего в России: «Тысяч десять рабочих собралось у конторы. Под крики одобрения пулеметчики рассказали, что им дан приказ отправиться 4 июля на фронт, но они решили "ехать не на германский фронт, против германского пролетариата, а против своих министров-капиталистов". Настроение поднялось. "Двинем, двинем", – закричали рабочие»¹²².

Прошло лишь несколько часов, и весь городской пролетариат восстал, вооружился и объединился вокруг лозунга «вся власть Советам!» – клича самих народных масс.

Большевики избегают ловушки

Во второй половине дня 3 июля делегатам пулеметных полков удалось заручиться поддержкой местной конференции большевиков, и тогда же их ошеломило известие о том, что партия высказалась против выступления. По ее мнению, буржуазия хотела спровоцировать петроградский пролетариат с целью возложить на него ответственность за военное поражение; кроме того, объективные условия для восстания еще не сложились, и лучше всего начать массовую акцию, когда о разгроме на фронте станет известно всем. Таким образом, большевики сразу поняли все значение событий и грозящую опасность. И в самом деле, после манифестации 18 июля они открыто предостерегали рабочих от преждевременного выступления.

Буржуазные историки признают замечательную политическую прозорливость, которую явила в тот момент партия. Она была убеждена в необходимости изучения характера, стратегии и тактики антагонистического класса, дабы в любой момент дать ему достойный и разумный отпор. Марксистская наука гласит, что *революционный захват власти*

¹²¹ Там же, с. 18.

¹²² Там же, с. 25.

есть искусство и наука, и несвоевременное восстание ведет к столь же фатальным последствиям, что и неудачная попытка взятия власти в подходящий момент.

Но как бы верно ни анализировали ситуацию большевики, остановиться на этом также значило угодить в расставленную буржуазией ловушку. Первый определяющий поворот в июльских событиях случился той же ночью, когда ЦК партии и петроградский городской комитет приняли решение поддержать движение и возглавить его, исключительно с целью обеспечить «его мирный и организованный характер». В отличие от стихийных и хаотичных событий предыдущего дня, в грандиозных демонстрациях 4 июля чувствовалась «организующая рука партии». Большевики сознавали, что поставленная массами цель – заставить меньшевистско-эсеровское руководство Совета взять власть от имени рабочих советов – недостижима. Большевики и эсеры, казавшиеся подлинными защитниками советской демократии, уже переходили в стан контрреволюции и ожидали случая покончить с советами. Вся трудность подобного положения, связанная с незрелостью пролетарских масс, нашла выражение в известном анекдоте: разгневанный рабочий потрясает кулаком перед носом «революционного» министра и кричит: «Бери власть, сукин сын, мы тебе ее даем!». На самом деле министры и недостойные вожди Совета умышленно тянули время, ожидая подхода верных правительству войск.

Одновременно рабочие осознали трудности, связанные с передачей всей власти Советам, при том, что в их рядах сохраняли влияние предатели и сторонники компромисса. *Поскольку класс еще не нашел способа трансформировать совет изнутри, он тщетно пытался навязать ему свою волю извне при помощи вооруженной силы.*

Второй решающий поворот ознаменовало собой выступление Зиновьева от имени ЦК партии перед десятками тысяч рабочих Путиловского и других заводов вечером 4 июля; речь свою он перемежал шутками, чтобы разрядить атмосферу, а закончил ее призывом мирно разойтись по домам. Так рабочие и поступили. Час революции еще не пробил, но уже близился. Никогда еще старая истина, провозглашенная Лениным, не получала столь зримого обоснования: *терпение и чувство юмора – качества, для революционеров необходимые.* Не только политическое мастерство большевиков помогло им уберечь пролетариат от попадания в расставленную буржуазией ловушку. Решающую, первостепенную роль сыграла глубокая вера партии в пролетариат и марксизм; РСДРП(б) опиралась на силу, за которой – будущее человечества, и на научный метод, что позволило ей избежать *мелкобуржуазной нетерпеливости.* И не меньшее значение имело доверие пролетариата России своей классовой партии, которая действовала как часть его, возглавила его, хотя всем было ясно, что она не разделяет ни его непосредственных намерений, ни его иллюзий. Так провалилась

попытка буржуазии вбить клин между партией и классом, что неизбежно привело бы к поражению революции в России.

«Безусловным долгом пролетарской партии было оставаться с массами, стараясь придать наиболее мирный и организованный характер их справедливым выступлениям, не отходить в сторонку, не умыть себе по-пилатовски рук на том педантском основании, что масса не организована до последнего человека и что в ее движении бывают эксцессы»¹²³.

Контрреволюционные погромы и клевета

Утром 5 июля в столицу начали прибывать проправительственные войска. Они устроили охоту на большевиков, лишили их и без того скудных возможностей для ведения пропаганды, разоружили и запугали рабочих, стали призывать к еврейским погромам. Чтобы настроить армию против пролетариата, «спасители цивилизации» от «большевистского варварства» использовали два типа провокаций.

1. Клеветническая кампания по обвинению большевиков в работе на Германию.

«Солдаты угрюмо сидели по казармам, выжидая. Только во вторую половину 4 июля власти открыли, наконец, сильнодействующее средство: преображенцам показали документы, доказывающие, как дважды два, что Ленин – немецкий шпион. Это подействовало. Весть пошла по полкам. [...] Настроение нейтральных батальонов переломилось»¹²⁴. В частности, в этой кампании клеветы использовали одного политического паразита по имени Алексинский – отступника от большевизма, который в прошлом безуспешно пытался организовать «ультралевую» оппозицию в партии, а после сделался заклятым врагом рабочих партий. Ленину и некоторым вождям большевиков пришлось скрываться, Троцкий и другие были арестованы. «Не суд, а травля интернационалистов, вот что нужно власти. Засадить их и держать – вот что надо гг. Керенскому и К°»¹²⁵.

Буржуазия с тех пор не переменилась. И сегодня, спустя множество лет, она ведет аналогичную кампанию против левых коммунистов. В июле 1917 года она попыталась внушить, что раз большевики отказываются поддерживать Антанту, значит они на стороне немцев! Сегодня она проводит мысль о том, что, поскольку левые коммунисты отказались поддержать «антифашистский» империалистический лагерь во время второй мировой войны, они и их нынешние последователи – сторонники нацистов. Цель этих компаний, развязанных «демократическими» государствами, только одна – подготовка будущих погромов.

¹²³ Ленин В.И. О конституционных иллюзиях // ПСС. Т. 34. С. 44.

¹²⁴ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 53.

¹²⁵ Ленин В.И. К вопросу об явке на суд большевистских лидеров// ПСС. Т. 32. С. 434.

Сегодня революционеры, склонные недооценивать значение таких направленных против них кампаний, должны многому поучиться у большевиков, которые после июльских событий сделали все возможное и невозможное, чтобы защитить свою репутацию в глазах рабочего класса. Троцкий назвал июль 1917-го месяцем величайшей клеветы в мировой истории», но ее не сравнить с сегодняшним отождествлением коммунизма со сталинизмом.

2. Другой способ подорвать репутацию революционеров, столь же старый, что и публичное очернение, и зачастую применяющийся одновременно с ним, – это использование государством непролетарских и даже антипролетарских элементов, которые изображают из себя революционеров.

«Провокация несомненно сыграла известную роль в событиях на фронте, как и на улицах Петрограда. После февральского переворота правительство выбросило в действующую армию большое число бывших жандармов и городских. Никто из них, конечно, воевать не хотел. Русских солдат они боялись больше, чем немцев. Чтобы заставить забыть свое прошлое, они подделывались под самые крайние настроения армии, науськивали солдат на офицеров, громче всех выступали против дисциплины и наступления, а нередко и прямо выдавали себя за большевиков. Поддерживая друг с другом естественную связь сообщников, они создавали своеобразный орден трусости и подлости. Через них проникали в войска и быстро распространялись самые фантастические слухи, в которых ультрареволюционность сочеталась с черносотенством. В критические часы эти субъекты первые подавали сигнал к панике. На разлагающую работу полицейских и жандармов не раз указывала печать. Не менее часты ссылки такого рода в секретных документах самой армии. Но высшее командование отмалчивалось, предпочитая отождествлять черносотенных провокаторов с большевиками»¹²⁶.

В обстреле вступивших в город войск обвинили большевиков

«Рассчитанное безумие этой стрельбы глубоко волновало рабочих. Было ясно, что опытные провокаторы встречают солдат свинцом в целях антибольшевистской прививки. Рабочие рвались объяснить это прибывающим солдатам, но к ним не подпускали: впервые после февральских дней между рабочим и солдатом стал юнкер или офицер»¹²⁷.

¹²⁶ Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 75. Аналогичную и еще более гибельную роль сыграли бывшие жандармы, преступные элементы и прочие люмпены в группах «солдат-спартаковцев» и «революционных инвалидов» в революции в Германии, особенно во время трагической «Спартакской недели» в январе 1919 года в Берлине.

¹²⁷ Там же, с. 60.

Вынужденные после июльских событий работать в полуподпольных условиях, большевики должны были одновременно бороться против демократических иллюзий тех членов партии, кто считал, что партийным лидерам нужно предстать перед буржуазным судом и опровергнуть обвинения в связях с Германией. «Действует военная диктатура. О "суде" тут смешно и говорить. Дело не в "суде", а в эпизоде гражданской войны»¹²⁸.

Партия пережила период репрессий, последовавших за июльскими событиями, во многом благодаря своей традиционной бдительности в деле защиты организации от многократных попыток государства уничтожить ее. Следует, например, отметить, что агенту охраны Малиновскому – который до войны сумел пробраться в ЦК партии – вероятно, поручили бы укрывать Ленина, Зиновьева и других, если бы он не был ранее разоблачен бдительными партийцами (сам Владимир Ильич поначалу не хотел верить в его предательство!). Без этого наиболее опытные партийные руководители наверняка погибли бы. Когда в январе 1919 года Люксембург, Либкнехт, Йогихес и другие активисты только что созданной КППГ были убиты немецкой буржуазией, их, по некоторым данным, выдал властям агент полиции, занимавший «высокий пост» в партии.

Итоги июльских событий

В июльских событиях 1917 года в очередной раз нашла выражение мощная революционная энергия пролетариата, его борьба против лживой буржуазной демократии и тот факт, что он *являлся единственным классом, способным выступить против империалистической войны в период упадка капитализма*. Выбор стоял не между «демократией и диктатурой», а *между освободительной диктатурой пролетариата и эксплуататорской диктатурой буржуазии, между социализмом и варварством*; эта альтернатива нашего времени составляла смысл и июльских событий. Но более всего эти последние раскрывают важнейшую роль классовой партии пролетариата. Неудивительно, что буржуазия каждый раз «отмечает» очередную годовщину пролетарской революции в России новыми клеветническими кампаниями в адрес революционеров наших дней. Июльские события 1917 года также продемонстрировали необходимость преодоления иллюзий в отношении бывших рабочих партий и «левых» групп капитала, если пролетариат намерен взять власть. В то время подобные иллюзии были широко распространены в пролетарской среде. Однако опыт этот окончательно прояснил не только для рабочего класса и большевиков, но и для меньшевиков и эсеров, что последние бесповоротно перешли на

¹²⁸ Ленин В.И. Ук. соч. С. 433.

сторону контрреволюции. Как писал в начале сентября 1917-го Ленин: «...тогда Питер не мог бы взять власти даже физически, а если бы взял физически, то политически не мог бы удержать, ибо Церетели и К^о еще не упали до поддержки палачества. Вот почему *тогда*, 3-5 июля 1917 г. в Питере, лозунг взятия власти был бы *неверен*. Тогда даже у большевиков не было и быть не могло сознательной решимости трактовать Церетели и К^о, как контрреволюционеров. Тогда ни у солдат, ни у рабочих не могло быть опыта, созданного месяцем июлем»¹²⁹.

Уже в середине июля Ленин четко усвоил этот урок: «После 4 июля контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере»¹³⁰.

Однако ключевой урок июля 1917 года – *это политическое руководство класса партией*. Буржуазия нередко прибегает к тактике преждевременного провоцирования столкновений. Во Франции в 1848 и 1870 гг., в Германии в 1919 и 1921-м *результатом преждевременного восстания стало кровавое подавление пролетариата*. Если русская революция оказалась единственным примером того, как рабочий класс сумел избежать подобной ловушки и разгрома, то одной из важнейших причин этого являлась *способность партии большевиков выступать в качестве авангарда*. Большевики смогли уберечь рабочий класс от поражения и тем самым показали, что, вопреки превратным толкованиям оппортунистов, усвоили важный революционный вывод, сделанный Энгельсом в своем знаменитом предисловии к марксовой «Классовой борьбе во Франции»: «И только одно средство могло бы временно задержать и даже отбросить на некоторое время назад непрерывный рост социалистических боевых сил в Германии: крупное столкновение с войсками, кровопускание, как в 1871 г. в Париже»¹³¹.

Троцкий так резюмировал итоги события: «Если бы большевистская партия, заупрямившись на доктринерской оценке июльского движения, как "несвоевременного", повернула массам спину, полувосстание неизбежно подпало бы под раздробленное и несогласованное руководство анархистов, авантюристов, случайных выразителей возмущения масс и изошло бы кровью в бесплодных конвульсиях. Но и, наоборот, если бы партия, став во главе пулеметчиков и путиловцев, отказалась от своей оценки обстановки в целом и соскользнула на путь решающих боев, восстание приняло бы несомненно смелый размах, рабочие и солдаты под руководством большевиков завладели бы

¹²⁹ Ленин В.И. Слухи о заговоре // ПСС. Т. 34. С. 78.

¹³⁰ Ленин В.И. К лозунгам // Там же, с. 12.

¹³¹ Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 546.

властью, однако только затем, чтобы подготовить крушение революции. Вопрос власти в национальном масштабе не был бы, в отличие от Февраля, решен победой в Петрограде. Провинция не поспела бы за столицей. Фронт не понял бы и не принял бы переворота. Железные дороги и телеграф служили бы соглашателям против большевиков. Керенский и ставка создали бы власть для фронта и провинции. Петроград был бы блокирован. В его стенах началось бы разложение. Правительство имело бы возможность бросить на Петроград значительные массы солдат. Восстание разрешилось бы при этих условиях трагедией Петроградской коммуны.

На июльском разветвлении исторических путей только вмешательство партии большевиков устранило оба варианта роковой опасности: и в духе июньских дней 1848 года, и в духе Парижской коммуны 1871 года. Благодаря тому, что партия смело стала во главе движения, она получила возможность остановить массы в тот момент, когда демонстрация начала превращаться в вооруженное соизмерение сил. Удар, нанесенный в июле массам и партии, был очень значителен. Но это не был решающий удар. Жертвы исчислялись десятками, а не десятками тысяч. Рабочий класс вышел из испытания не обезглавленным и не обескровленным. Он полностью сохранил свои боевые кадры, и эти кадры многому научились»¹³².

История подтвердила правоту ленинского вывода: «Начинается новая полоса. Победа контрреволюции вызывает разочарование масс в партиях эсеров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата»¹³³.

¹³² Троцкий Л.Д. Ук. соч. С. 82-83.

¹³³ Ленин В.И. О конституционных иллюзиях. С. 47.

Пролетарская революция может восторжествовать, лишь охватив всю планету

Поверив в условиях сталинистского перерождения распространяемым буржуазией вымыслам, определенное число рабочих пришло к убеждению, что российская революция «загнила изнутри», а большевики использовали трудящихся, чтобы захватить власть¹³⁴. Буржуазия просто-напросто *приписала российским революционерам собственное понимание политики* – ложь и манипулирование массами. Однако ход событий, последовавших за Октябрьским восстанием, определялся именно историческими законами пролетарских революций, а не буржуазным макиавеллизмом: «Русская революция лишь подтвердила этим основной урок всякой великой революции, жизненный закон которой гласит: либо она должна очень быстро и решительно рвануться вперед, сокрушая железной рукой все препятствия и выдвигая все более далеко идущие цели, либо она будет очень скоро отброшена назад, за свой слабый исходный пункт и задавлена контрреволюцией»¹³⁵.

Замечательная сокровищница опыта, накопленного между февралем и октябрём 1917 года, показывает трудящихся, что *разрушить буржуазный государственный аппарат возможно*. А трагедия перерождения этой революции является еще одним уроком, не менее важным: *пролетарская революция может восторжествовать, лишь охватив всю планету*.

Изоляция – смерть революции

«Судьба революции в России полностью зависела от *международных* [событий]. То, что большевики целиком ориентировали свою политику на мировую революцию пролетариата, как раз и есть самое блестящее свидетельство их политической дальновидности и принципиальной верности смелому курсу избранной политики»¹³⁶.

После 1914 года, с тех пор, как первая мировая война со всей наглядностью показала, что начался период упадка капитализма, большевики выдвинулись в авангард революционеров, отстаивая идею о

¹³⁴ К сожалению, глубокое разочарование, вызванное поражением революции, способствовало развитию в среде революционеров таких теорий, как коммунизм советов, согласно которому российская революция и партия большевиков являлись чисто буржуазными; а также бордизм, выдвинувший идею об их двойном (буржуано-пролетарском) характере. См. нашу критику этих концепций.

¹³⁵ Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991. С. 312.

¹³⁶ Там же, с. 308.

том, что *альтернативой мировой войне может быть лишь мировая пролетарская революция*. Взяв на вооружение этот подлинно интернационалистский курс, Ленин и большевики видели в русской революции «лишь первый этап пролетарских революций, которые неизбежно начнутся вследствие войны». *Судьба революции, совершенной российским пролетариатом, зависела в значительной мере от рабочих восстаний в других странах, прежде всего, в Европе*.

Российская революция прилагала все усилия, чтобы распространиться на другие страны

Российская революция не стала *пассивно* дожидаться начала пролетарских революций в других странах, напротив, она *всяческим им способствовала*. По сути, созданное ею государство мыслилось лишь как первый шаг к Всемирной республике советов, ограниченной не искусственными границами капиталистических стран, а границами между классами¹³⁷. Например, велась систематическая пропаганда среди военнопленных с целью побудить их поддержать мировую революцию; желающим предоставлялось советское гражданство. В результате была создана социал-демократическая организация военнопленных в России, которая призывала немецких, австрийских, турецких трудящихся восстать, чтобы положить конец войне и поддержать революцию.

Ключом к мировой революции являлась Германия, и российская революция прилагала особенные усилия для пропаганды среди немецких рабочих. Как только открылось посольство РСФСР в Берлине (апрель 1918 года), оно стало своеобразным штабом революции в Германии. Российский посол Иоффе платил высокопоставленным немецким чиновникам за секретную информацию и передавал ее местным революционерам (которые таким образом получали возможность публично разоблачать империалистическую политику правительства). Он покупал оружие для революции, печатал в самом здании посольства тонны пропагандистских материалов; каждую ночь туда тайком приходили немецкие революционеры, чтобы обсуждать подготовку к восстанию.

О приоритетности мировой революции свидетельствует тот факт, что российские трудящиеся в голод и разруху предложили отправить три состава с зерном в помощь немецким рабочим.

Интересно узнать о том, как восприняли в России начало революции в Германии. Когда пришло известие о ней, по словам Радека, собравшиеся на демонстрацию перед Кремлем «десятки тысяч трудя-

¹³⁷ Первая советская Конституция 1918 года признавала «все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства».

щихся разразились бурными аплодисментами. Никогда я не видел ничего подобного. Близилась ночь, а рабочие и красноармейцы все шли и шли. Мировая революция наконец настала. Народные массы слышали ее поступь. Наша изоляция подходила к концу».

Оказал поддержку начавшейся революции и первый конгресс Коммунистического Интернационала, который состоялся – увы, с большим опозданием – в Москве в марте 1919 года и так заявил о себе: «Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от предательской примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире»¹³⁸.

Но пролетариат был разгромлен в Берлине, Вене, Будапеште, Мюнхене, и Коммунистический Интернационал начал делать уступки парламентаризму, синдикализму и «борьбе за национальное освобождение». По тем же причинам распространение революции стало вопросом «революционной войны», которую большевики, тем не менее, отвергли в 1918 году, подписав Брестский мирный договор¹³⁹. Еще один шаг к перерождению был сделан в декабре 1920 года, когда расширенный Исполком Коминтерна, убежденный, что перспектива мировой революции отдалается, выдвинул пресловутый лозунг «единого рабочего фронта».

Согласно «фаталистической» логике, присущей буржуазной философии, всякая вещь «есть то, чем она неизбежно должна была стать». Таким образом, Коммунистический Интернационал, как и многие другие результаты титанических усилий пролетариата, представляется порождением изначально задуманного «макиавеллиевского» плана большевиков, ставившего целью создать орудие защиты российского капиталистического государства. Но так всегда рассуждала *только* буржуазия. Для пролетариата же, напротив, *перерождение революции в России и Коммунистического Интернационала являются следствием их поражения в смертельной борьбе с мировым капитализмом*. Если, как утверждает буржуазия, российская революция действительно не могла развиваться иным путем, – почему же тогда капиталисты всего мира с таким ожесточением стремились ее задушить?

¹³⁸ Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 6.

¹³⁹ Летом 1920 года заседания сессий II конгресса Коминтерна происходили перед штабной картой, на которой отмечались успехи Красной Армии в войне с Польшей. Как известно, эта военная экспедиция лишь сплотила польский пролетариат и буржуазию и завершилась поражением под стенами Варшавы.

Российская революция в капиталистическом окружении

Начиная с 1917-го и вплоть до 1923 года, когда капиталистам удалось нанести поражение мировому революционному пролетариату, они совместно вели крестовый поход под лозунгом «Долой большевизм!» Он сблизил даже тех, кто еще накануне истреблял друг друга в первой мировой империалистической войне, германский империализм и царских генералов, с западными демократиями Антанты. И это лишний раз подтвердило важный урок для рабочего движения: *когда пролетариат угрожает самому существованию капитализма, эксплуататоры забывают о соперничестве между собой и объединяются, чтобы подавить революцию.*

Германский империализм

Первой преградой расширению революционного процесса стали армии кайзера. Хотя революция в России и революционный подъем вообще стали ответом пролетариата на первую мировую войну, мировая война, по словам Розы Люксембург, «создает самые ненормальные и тяжелые условия» для развития и углубления революции.

Мир сделался насущной необходимостью и потому фигурировал в числе приоритетов революции в России. Мирные переговоры в Бресте начались уже 19 ноября 1917 года, о них каждую ночь рассказывали по радио советские делегаты, обращаясь не только к российским рабочим, но и к военнопленным, к трудящимся всего мира. Они отправились в Брест, не питая иллюзий на счет «миролюбивых» намерений германского империализма. Троцкий заявлял: «Мы ни от кого не скрываем, что не считаем нынешние капиталистические правительства способными на демократический мир. Только революционная борьба рабочих масс против нынешних правительств может приблизить Европу к такому миру. Полное осуществление будет обеспечено только победоносной пролетарской революцией во всех капиталистических странах»¹⁴⁰.

С начала 1918 года стали поступать известия о забастовках и волнениях в Германии, Австрии, Венгрии¹⁴¹, что позволило большевикам отложить переговоры; однако затем рабочие выступления были подавлены. Это и побудило Ленина, вновь оказавшегося в большевистской

¹⁴⁰ Троцкий Л.Д. К трудящимся, угнетенным, обескровленным народам Европы // Известия, 6 декабря 1917 г.

¹⁴¹ Летом 1918 г. в Берлине вспыхнула стачка, в которой приняло участие полтора миллиона работников; она перекинулась на Гамбург, Киль, Рур, Лейпциг... и вызвала к жизни первые рабочие советы. В то же время рабочие бунты охватили Вену и Будапешт, и даже большинство буржуазных журналистов признало их связь с российской революцией, в частности, с Брестскими мирными переговорами (См. Карр Э.Х. Большевистская революция, 1917-1923. М., 1991.)

партии в меньшинстве, настаивать на скорейшем подписании мира. Вопрос о распространении революции, жизненно важный для большевиков, невозможно решить путем «революционной войны», за которую ратуют «левые коммунисты»; оно зависит исключительно от готовности к революции Германии: «Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только "целесообразно" (как выразились авторы резолюции), но и прямо *обязательно* было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а *помешали*, "идя на возможность утраты Советской власти". Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году»¹⁴².

Так ставился вопрос в пролетарском бастионе, оказавшемся временно в изоляции. Пролетариат не мог распространить свою власть на другие страны, успешно совершив в них восстания. Сдать цитадель – или пойти на переговоры, то есть временно капитулировать перед значительно превосходящими силами противника, чтобы получить небольшую передышку и удержать пролетарский бастион, сохранив тем самым очаг мировой революции? Роза Люксембург, которая поначалу отнюдь не одобряла Брестские мирные переговоры, тем не менее выразила с ужасающей ясностью мысль о том, что лишь борьба немецкого пролетариата способна склонить чашу весов в пользу революции: «Все расчеты, на которых русские строили свою борьбу за мир, в самом деле основывались на постулате о том, что русская революция должна была послужить сигналом к революционному выступлению западного пролетариата. [...] Лишь в таком случае – но тогда уже несомненно – русская революция послужила бы отправной точкой к всеобщему миру. Этого не произошло. За исключением мужественных усилий итальянского пролетариата (всеобщей стачки в Турине 22 августа), пролетарии всех стран подвели русскую революцию. Но, будучи интернациональной по самой своей природе и глубинной сущности, классовая политика пролетариата может вестись лишь на международной арене».

18 февраля немецкое верховное командование неожиданно возобновило боевые действия (Ленин предупреждал, что «этот хищник очень быстро прыгает»), и через неделю немецкие войска подошли к Петрограду. В итоге российскому правительству пришлось согласить-

¹⁴² Ленин В.И. Странное и чудовищное // ПСС. Т. 35. С. 403-404.

ся на гораздо худшие условия мира: весной 1918 года немцы заняли бывшие балтийские провинции, большую часть Белоруссии, всю Украину, северный Кавказ, а затем, нарушив Брестские соглашения, Крым и Закавказье (кроме Баку).

Мы разделяем мнение итальянских левых коммунистов¹⁴³ о том, что Брестский мир не являлся шагом революции назад, а был навязан необходимостью разрешить дилемму между сохранением пролетарского бастиона и временной невозможностью распространения революции. *Противоречие это разрешается не за столом переговоров, тем более не на поле битвы, а в ходе совместной борьбы мирового пролетариата.* А когда капиталистам удалось отразить революционный натиск, российское правительство было вынуждено принять правила игры капиталистических государств в области «внешней политики» и подписать в апреле 1922 года Рапальские соглашения, которые по своему содержанию (оказание Советской Россией военной поддержки Германии) не имели ничего общего ни с Брестким договором, ни с революционной политикой пролетариата вообще. Когда в марте 1923 года уже перерождавшийся Исполком Коминтерна призвал немецких трудящихся к выступлению, являвшемуся актом отчаяния и получившему название «мартовской акции», *немецкие правительственные войска подавили его оружием, которое поступило от российского правительства.*

Враждебные действия западных демократий

Союзники по Антанте, образцовые западные демократии, не щадили сил для того, чтобы удушить российскую революцию. На Украине, в Финляндии, в странах Балтии, в Бессарабии Британия и Франция привели к власти своих ставленников, которые оказали поддержку контрреволюционным белогвардейцам. Не довольствуясь этим, ведущие мировые державы решили непосредственно вторгнуться в Россию: японские войска высадились во Владивостоке. За ними последовали английские, французские и американские войска:

«С самого начала Октябрьской революции страны Антанты стали на стороны контрреволюционных партий и правительств России. С помощью буржуазных контрреволюционеров они аннексировали Сибирь, Урал, территории России, граничащие с Европой, Кавказ и часть Туркестана. Из этих аннексированных краев они вывозят сырье (лес, нефть, марганец и пр.). С помощью своих наемных чехословацких банд они похитили российский золотой запас. Английские и французские шпионы под руководством британского дипломата лорда Локхар-

¹⁴³ См.: Левые Коммунисты в России. М., 2008; Revue internationale, No 8; La periode de transition du capitalisme au communisme. S.l., 2005.

та взрывали мосты, разрушали железнодорожные пути и попытались помешать поставкам продовольствия. Антанта поддерживала своими деньгами, орудием и военной помощью реакционных генералов Деникина, Колчака и Краснова, которые расстреляли и повесили тысячи рабочих и крестьян в Ростове, Юзовке, Новороссийске, Омске...»¹⁴⁴.

В начале 1919 года, когда вспыхнула революция в Германии, Россия была совершенно изолирована от остального мира и противостояла как белогвардейцам, так и войскам западных демократий. Большевики вновь заявили о необходимости пролетарского интернационализма в условиях, когда капиталисты посылали свои армии для подавления революции: «Вы сражаетесь не с врагами, – говорилось в листовке, адресованной американским и британским солдатам в Архангельске, – а с такими же трудящимися, как и вы. Мы спрашиваем вас, станете ли вы нас убивать? Будьте верны своему классу и откажитесь выполнять гнусную работу своих господ...»¹⁴⁵.

И призывы большевиков (они издавали газеты на иностранных языках, например, «Колл» на английском и «Лантерн» на французском) не остались втуне: «1 марта 1919 года возмутились французские войска, получившие приказ выступить. Несколькими днями ранее одна британская кавалерийская рота отказалась «отправляться на фронт». Аналогично поступила вскоре американская рота»¹⁴⁶. Французской армии и флоту пришлось убраться восвояси в апреле 1919 года из-за возмущения, вызванного казнью Жанны Лябурб, коммунистки, призывавшей брататься русских и французских солдат. После демонстраций в Англии и Италии против посылки войск в Россию и поставки оружия контрреволюционным силам пришлось возвратиться на родину и британские части. Так западные демократии оказались вынуждены сменить тактику противодействия российской революции и использовать для строительства «санитарного кордона», призванного предотвратить ее распространение, армии тех государств, которые возникли с их помощью на развалинах Российской империи.

В апреле 1919 года польские войска оккупировали часть Белоруссии и Литвы, в апреле 1920-го заняли Киев, а в мае-июне того же года, поддержав белого генерала Деникина, захватили почти всю Украину. Лидер младотурецкой «антифеодальной революции» Энвер Паша в октябре 1921 года возглавил антисоветский мятеж в Туркестане.

Внутренняя реакция

После октябрьского восстания остатки буржуазии и военно-реакционной касты сразу же приступили к перегруппировке своих сил

¹⁴⁴ Тезисы I конгресса Коминтера о международном положении и политике Антанты.

¹⁴⁵ Карр Э.Х. Ук. соч.

¹⁴⁶ Там же.

под флагом Временного правительства (тем самым, что ныне развева-
ется над Кремлем) и сформировали первую белую армию под коман-
дованием казачьего генерала Каледина.

Хаос и разруха, охватившие Россию в изоляции, «само-
демобилизация» остатков царской армии, слабость революционных
вооруженных сил и, главное, поддержка белогвардейцев иностранным
империализмом постепенно изменили соотношение сил в гражданской
войне. В течение 1918 года территория, на которой существовала со-
ветская власть, сократилась до размеров средневекового Московского
княжества, а революции пришлось бороться и с «белочехами», и с са-
марским Комучем¹⁴⁷, которые отрезали от нее Сибирь. Затем к ним до-
бавились казаки генерала Краснова (того самого, который был раз-
громлен на Пулковских высотах, взят в плен большевиками и отпущен
ими под честное слово не бороться против Советов), армия Деникина
на юге, Каледина на Дону, Колчака на востоке, Юденича на севере и
прочие: настоящий разгул звериного белого террора, резня, всевоз-
можные жестокости, убийства, приветствуемые демократическими
странами и благословляемые «социалистами», которые подавляли ра-
бочие выступления в Германии, Австрии и Венгрии.

Буржуазные историки объясняют зверства гражданской войны,
всех войн вообще, проявлением человеческой «дикости». Но страшная
гражданская война, опустошавшая Россию на протяжении трех лет
вместе со своими спутниками – болезнями и голодом, вызванными
экономической блокадой страны, что привело к гибели 7 миллионов
человек, – *была навязана мировым капитализмом.*

К действиям иностранных и белых армий добавились саботаж и
контрреволюционный заговор крупной и мелкой буржуазии. В июле
1918 года на средства, предоставленные французским послом Нулан-
сом, Савинков¹⁴⁸ устроил мятеж в Ярославле, который на протяжении
двух недель оказался во власти террора; уничтожались все, кто имел
хоть какое-то отношение к пролетариату, революции, большевикам. В
том же июле месяце, спустя всего несколько дней после высадки в
Мурманске франко-британских войск, левые эсеры предприняли по-
пытку государственного переворота, убив германского посла Мирбаха
с целью спровоцировать военный конфликт с Германией. Ленин опре-

¹⁴⁷ Это правительство (Комитет Учредительного собрания) сумело установить контроль над Поволжьем. В октябре 1918 года произошло восстание поволжских немцев, которые провоз-
гласили рабочую коммуну. Так называемый «чешский легион» был сформирован из военно-
пленных чехов, которым российское правительство предписало покинуть Россию через Влади-
восток. В пути 60 тысяч из 200 тысяч солдат «легиона» взбунтовалось, вооруженные банды
«белочехов» развязали террор и грабежи (следует отметить, что 12 тысяч чешских бойцов вли-
лись в ряды Красной армии).

¹⁴⁸ В 1917 году этот бывший эсер стал тайным посредником между Керенским и Корниловым,
в январе 1918-го организовал покушение на Ленина, затем стал представителем «белых» в
Париже, где контактировал не только с секретными службами «союзников», но и с генералами,
министрами и пр.; в благодарность за деятельность на благо «демократии» они поручили ему
руководить группами саботажников.

делил этот акт как «очередной чудовищный заскок мелкой буржуазии». В тот момент революционной России не хватало только войны с Германией!

Революция отчаянно боролась за жизнь. Стремление продержаться до начала восстания в Европе требовало бесчисленных жертв, как в политическом плане, так и в экономическом, как мы увидим далее. В этой работе мы не намерены подробно анализировать проблемы репрессивного аппарата и регулярной армии – но здесь опыт революции также не оценим¹⁴⁹. Мы лишь хотим подчеркнуть, что эволюция от необходимого революционного насилия к террору, равно как и замена рабочего ополчения армейской иерархией, постепенно обособлявшейся от Советов, стали, прежде всего, результатами *изоляции революции*, изменения соотношения сил *в мире* в пользу буржуазии. Все это в итоге предопределило ход революции, якобы «восторжествовавшей» в одной отдельно взятой стране.

Нельзя говорить о закономерной эволюции ЧК (которая в момент своего создания в ноябре 1917 года насчитывала всего 120 человек и не имела ни одного автомобиля) к чудовищному ГПУ, которое Сталин использовал против самих большевиков. Имело место перерождение, *причина которого – поражение революции. Не существовало никакой преемственности между Красной гвардией (действовавшей по мандату совета) и регулярной армией с обязательной военной службой (введена в апреле 1919 года), казарменной дисциплиной, отдачей чести, где в 1920 году служили 315 тысяч бывших царских «военспецов».* Причина всего этого – *грозная мировая контрреволюция*, набиравшая силу по мере подавления очагов пролетарских выступлений и необходимость обороны пролетарского бастиона, которому, чтобы выстоять, требовалась поддержка мировой пролетарской революции.

Экономические проблемы

В этих условиях изоляции революции, непрекращающихся враждебных действий капиталистов, саботажа внутри страны, какие бы иллюзии ни строили большевики на счет возможности обойти экономические законы, приходится согласиться с Лениным в том, что, пока революция не распространилась на другие страны, в 1918-1921 гг. российская экономика существовала в тяжелейших условиях «осажденной крепости»¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Отсылаем интересующихся читателей к нашим статьям «Перерождение русской революции» (Revue internationale, No 3) и «Октябрь 1917-го – начало пролетарской революции» (там же, No 12 и 13), а также к книге «Левые коммунисты в России».

¹⁵⁰ На самом деле социализма в России не было никогда, поскольку для него необходима победа пролетариата над буржуазией во всем мире. Экономическая политика в изолированном пролетарском бастионе диктовалась исключительно господствующей мировой системой – капитализмом. «Социализм в одной отдельно взятой стране» – не что иное, как фиговый листок, прикрывавший сталинскую контрреволюцию, о чем всегда заявляли революционеры. Подробнее на эту тему см. статью «Перерождение русской революции», ук. соч.

Ужасная разруха, постигшая в те годы Россию, была вызвана не социалистическим «равенством в нищете», а *невозможностью преодолеть нищету в условиях изоляции*. Если бы было верно первое, не стоило бы совершать революцию и свергать капитализм, поскольку он и так обеспечивал материальное выживание (эту-то мысль и тщится внушить нам буржуазия). Второй же тезис позволяет извлечь важнейший урок для рабочей борьбы, каков бы ни был ее масштаб, идет ли речь об одном заводе или целой стране: **«Если борьба наша не будет шириться, мы останемся в изоляции и обречены на поражение»**.

Рабочая революция в России стала ответом на первую мировую войну и *унаследовала от войны* экономический хаос, карточную систему, подчинение производства потребностям ведения боевых действий. В изоляции ей пришлось в полной мере испытать бедствия гражданской войны и иноземной империалистической интервенции. Западные демократии, рядившиеся в Версале в костюмы миротворцев с их лозунгом «живи и давай жить другим», без малейших колебаний подвергли Россию жесткой экономической блокаде, которая длилась с марта 1918-го по начало 1920 года (почти до самого разгрома белых армий Врангеля). Никакой импорт стал невозможен: не пропускались даже посылки, собранные европейскими пролетариями для своих братьев по классу из России.

Нечем было топить. Холод косил людей по всей России. Блокада со стороны мировой буржуазии перекрыла поставки угля с Украины, бакинская нефть оказалась в руках англичан. Города получали в десять раз меньше топлива, чем до первой мировой войны.

Население страдало от голода. С начала войны хлеб и сахар распределялись по карточкам. А во время гражданской войны, в условиях экономической блокады и саботажа со стороны крестьян, которые припрятавали большую часть урожая, чтобы продать на черном рынке, ежедневная норма оказалась ниже, чем необходимо для выживания. В 1918 году, когда городские продовольственные склады полностью опустели, она составила:

- от 1200 до 1900 ккал в день для рабочих тяжелой промышленности, то есть четверть необходимой потребности; ту же норму получали семьи красноармейцев;

- в четыре раза меньше получали буржуа; на долю остальных работников приходилось три четверти максимальной нормы.

В октябре 1919-го, когда генерал Юденич подступил к Петрограду, Троцкий так описывал добровольцев, которые призваны были затормозить продвижение белогвардейцев, точно призраки, поднявшиеся из-под земли:

«Плохо выглядели тогда рабочие Петрограда: землистые от недоедания лица, в лохмотья разношенное платье, дырявые сапоги на ногах,

нередко от разных пар»¹⁵¹.

В январе 1921 года, после окончания гражданской войны, норма выдачи черного хлеба составляла 800 г в сутки для рабочих предприятий непрерывного цикла и 600 г для рабочих-ударников. Иждивенцы получали лишь 200 г. Селедка, которая раньше спасала положение, теперь исчезла полностью. Картофель поступал в города подмороженный из-за ужасного состояния железных дорог (функционировало лишь 20% довоенной железнодорожной сети). В начале весны 1921 года ужасный голод разразился в Поволжье. Согласно официальной статистике, в то время насчитывалось от 2 до 27 млн. нуждающихся, страдавших от голода, холода, эпидемий тифа¹⁵², дифтерии, испанки и др.

Нехватку всего и вся усугубляла спекуляция. Товаров по карточкам не хватало, и приходилось идти на черный рынок – «сухаревку» (от Сухаревской площади в Москве, где располагалась такого рода толкучка). Половина зерна, поступавшего в города, продавалась на черном рынке (по цене в десять раз выше официальной). Люди выживали как могли: получили развитие контрабанда, а также нелегальные поставки в деревню промышленных товаров в обмен на продовольствие. В годы революции возник новый социальный тип – «мешочник», который вез на село соль, спички, иногда пару сапог или бутылку керосина, чтобы обменять их на кило картошки или зерна. В сентябре 1918 года правительство официально признало существование контрабанды, ограничив ее полутора пудами зерна (около 25 кг). Отныне «мешочники» получили возможность действовать открыто и новое имя – «полупудники». А когда заводы начали выплачивать зарплату натурой, то есть производимой продукцией, рабочие тоже превратились в «мешочников» и отправились в деревню продавать инструменты и конвейерные ленты...

Условия труда резко ухудшились из-за ужасной разрухи, изоляции революции и гражданской войны, которые свели на нет все требования рабочих и меры, принятые правительством ради их удовлетворения. «Через четыре дня после революции вышел декрет о введении восьмичасового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели, ограничениях на труд для женщин и молодежи и запрете детского труда. Год спустя Наркомтруд выпустил циркуляр, где настаивал на соблюдении тех положений декрета, которые касались ограничений на труд для женщин и молодежи и запрете детского труда. [...] Но в условиях острой нехватки рабочей силы, вызванной гражданской войной, все эти запреты оставались безрезультатными»¹⁵³.

Сам Ленин, не раз критиковавший тейлоризм, то есть потогонную

¹⁵¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 159.

¹⁵² Эпидемии тифа были столь опустошительны, что Ленин говорил: либо революция покончит со вшами, либо вши прикончат революцию.

¹⁵³ Карр Э.Х. Ук. соч.

систему труда, приковывающую рабочего к станку, осознавая насущную необходимость подъема производства, ввел «коммунистические» субботники, когда трудящиеся работали бесплатно, «на революцию». Убежденные в неминуемом начале пролетарской революции в Европе, защищавшие пролетарский бастион, лишившиеся, как мы увидим далее, своих советов и общих собраний рабочих – орудий классовой борьбы, самые передовые и сознательные слои рабочего класса в России постепенно становились жертвами грубой капиталистической эксплуатации.

Несмотря на все усилия и сверхэксплуатацию, российские заводы производили все меньше и меньше из-за снижения производительности труда недоедающих рабочих и развала экономики: в 1923 году, спустя три года после окончания гражданской войны, производительность российской промышленности не превышала 30% от уровня 1912 года; в мелкой промышленности это соотношение равнялось 57%. Мелкая промышленность (производство инструментов, одежды, мебели), получившая развитие после 1919 года, являлась в значительной степени аграрной по условиям труда и продолжительности рабочего дня. Из-за невыносимых условий жизни в городах значительная часть трудящихся перебралась в деревню и оказалась занятой в мелкотоварном производстве. В крупных городах рабочие уходили с крупных предприятий в небольшие мастерские, продукцию которых легче было обменять на селе. В 1920 году в России насчитывалось 2 200 000 занятых в промышленности, из них только 1 400 000 работали на предприятиях с числом работников более 30 человек.

С началом НЭПа (новой экономической политики) в 1921 году¹⁵⁴ государственным предприятиям пришлось столкнуться с конкуренцией российских «частных» капиталистов и иностранных инвесторов. Государство, подобно любому капиталистическому предпринимателю, должно было думать о том, как производить больше товаров по более низкой себестоимости. После гражданской войны, демобилизации и введения НЭПа начались массовые увольнения, в частности, лишилась работы половина железнодорожников. С 1921 года наблюдался рост безработицы. В 1923 году число безработных в России, по официальным данным, достигло одного миллиона.

Крестьянский вопрос

Крестьяне составляли 80% российского населения. Во время октябрьского восстания съезд советов принял Декрет о земле, отвечавший потребностям и чаяниям десятков миллионов крестьян: получить

¹⁵⁴ Вопреки мнению многих российских левых коммунистов, НЭП не являлся возвратом к капитализму, поскольку социалистической экономики в России не было никогда. О НЭПе см. статью «Ответ “Уоркерс войс”» (Revue internationale, № 2) и книгу «Левые коммунисты в России».

свой клочок земли и ликвидировать крупное землевладение (последнее не только приводило к полуфеодальным методам эксплуатации крестьян, но и являлось одной из опор контрреволюции). Принятые меры, однако, не привели к созданию крупных сельскохозяйственных предприятий, где существовал хотя бы минимальный рабочий контроль. Напротив, несмотря на такие инициативы, как ТОЗы (товарищества по обработке земли) и, позднее, колхозы и совхозы, на селе множились мелкие, совсем крохотные землевладения, потенциала которых едва хватало, чтобы прокормить крестьянскую семью. Если в 1917 году на долю землевладений размером менее 5 га приходилось 57% обрабатываемой земли, то к 1920 году этот показатель составил уже 80%. Подобные хозяйства не могли поставлять достаточно продукции, чтобы преодолеть голод в городах. «Продразверстка», использовавшаяся поначалу большевиками для удовлетворения основных потребностей городского пролетариата и Красной армии, потерпела крах: не только из-за количества реквизированного зерна, но и по той причине, что толкнула многих крестьян в ряды белогвардейцев или зеленых («зелеными» называли вооруженные отряды, сражавшиеся и против белых, и против красных, как, например, армия анархиста Махно на Украине).

Тогда летом 1918 года государство попыталось опереться на середняков: в первый год революции Наркомпроду удалось собрать лишь 780 тыс. т зерна; за период с августа 1918-го по август 1919-го было получено уже 2 млн. т. Однако крестьяне, имевшие свое хозяйство, неохотно сотрудничали с советской властью. Ленин подчеркивал: «Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом – основная задача и основное противоречие. Крестьянин, как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, – такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать»¹⁵⁵.

И здесь большевики оказались не способны выйти за рамки той политики, которую вынуждало их проводить соотношение сил между пролетарской революцией и господствующей капиталистической системой. Разрешить эту дилемму не в силах было ни российское государство, ни рабочий класс и трудовое крестьянство. ***Изменить ситуацию мог только мировой пролетариат.***

«Ленин на IX съезде партии в марте 1919 г., когда была провозглашена политика умиротворения среднего крестьянина, затронул один из наиболее болезненных вопросов коллективного сельского хозяйства. Среднее крестьянство будет завоевано на сторону коммунистического общества "только тогда... когда мы облегчим и улучшим экономиче-

¹⁵⁵ Капп Э.Х. Ук. соч. С. 533.

ские условия его жизни". Но в этом как раз и был камень преткновения. "Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это – фантазия), то средний крестьянин сказал бы: "Я за коммунию" (т.е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы". Ленин не продолжил этот силлогизм. Построение социализма в России было невозможно без обобществленного сельского хозяйства; обобществление сельского хозяйства было невозможно без тракторов; получение тракторов было невозможно без всемирной пролетарской революции»¹⁵⁶.

Ни в период «военного коммунизма», ни во время НЭПа российская экономика не являлась социалистической – на ее характер наложили свой отпечаток экономическая блокада и изоляция революции.

Троцкий признавал, что, если бы европейский рабочий класс пришел к власти прежде российского, он помог бы отсталой России как в экономической, так и в культурной сфере, технически и организационно, и это позволило бы большевикам внести частичные или полные коррективы в политику военного коммунизма и взять курс на строительство подлинно социалистической экономики. «И Маркс был совершенно прав. С тем большим правом мы могли принять, что если европейский пролетариат завоюет власть в 19-ом году, то он возьмет на буксир нашу отсталую в хозяйственном и культурном смысле страну, поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, прийти к действительному социалистическому хозяйству»¹⁵⁷.

Подавление революционного подъема мирового пролетариата повлекло за собой падение российского бастиона. Тогда и возникла новая буржуазия: «Буржуазия возродилась в процессе внутреннего перерождения революции не на основе прежней царской буржуазии, уничтоженной пролетариатом в 1917 году, а из паразитической бюрократии государственного аппарата, с которым все больше сливалась партия большевиков под руководством Сталина. Именно эта партийно-государственная бюрократия, ликвидировав к концу 20-х гг. все общественные слои, способные образовать частнокапиталистическую буржуазию, своих прежних союзников в деле обеспечения управления национальной экономикой (кулаков и спекулянтов-нэпманов), установила над ней свой полный контроль»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Там же, с. 533-534.

¹⁵⁷ Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика и перспективы мировой революции.

¹⁵⁸ См. нашу статью «Мировой пролетариат перед лицом краха Восточного блока и банкротства сталинизма».

Упадок рабочих советов

Изоляция революции привела не только к голоду и гражданской войне – постепенно сошла на нет имевшая огромное революционное значение массовая и сознательная активность рабочего класса, получившая развитие между февралем и октябрём 1917 года¹⁵⁹. К 1918 году число рабочих в Петрограде сократилось на 50% по сравнению с концом 1916 года, а по окончании Гражданской войны, в 1920 году, колыбель революции лишилась почти 58% своего населения. Число жителей новой столицы, Москвы, за этот период уменьшилось на 45%, крупных провинциальных городов – на 33%. Большинство трудящихся перебралось в деревню, где имелось больше возможностей для выживания.

«Когда на фронтах было трудно, – воскликнул Троцкий риторически год спустя, – мы обращались в Ц.К. партии коммунистов, с одной стороны, и к президиуму В.Ц.С.П.С., с другой стороны. И из этих обоих источников на фронт отправлялись передовые пролетарии и строили там Красную Армию по образу и подобию своему»¹⁶⁰.

Всякий раз, когда Красная армия, состоявшая в основном из крестьян, в беспорядке отступала, когда росло число дезертиров, формировались отряды наиболее решительных и сознательных рабочих, призванные увлечь за собою в бой остальные войска и не допустить дезертирства. Всякий раз, когда возникала необходимость борьбы с саботажем, преодоления неразберихи в снабжении продовольствием, большевики вспоминали слова Ленина: «Здесь не хватает пролетарской энергии!» Но энергия эта все больше отдалялась от своего источника, поддерживавшего ее, – советов, рабочих в том числе. Она постепенно ставилась на службу государству – органу, которому предстояло сделаться движущей силой контрреволюции¹⁶¹.

За этим последовал постепенный упадок советов. По словам Бухарина, когда основной задачей правительства являлась организация сопротивления врагу и отражение его атак, диктатура пролетариата естественным образом приняла форму военной пролетарской диктатуры. Такие органы советской власти, как пленарные собрания советов, практически исчезли, и все руководство перешло к исполкомам, то есть к узкой группе лиц. В особенности вблизи линии фронта «официальные» органы советской власти, избранные трудящимися, были заменены местными «ревкомаами», которые разрешали все вопросы са-

¹⁵⁹ См. *Revue internationale*, No 71.

¹⁶⁰ Карр Э.Х. Ук. соч. С. 564.

¹⁶¹ Наша точка зрения на роль государства в переходный период и взаимоотношения между государством и советами, которая основывается на уроках российской революции, изложена в брошюре «Переходный период от капитализма к коммунизму» и в №№ 8, 11, 15, 18 «*Revolutions internationale*». В № №23, 34 и 35 того же журнала см. нашу критику идеи о том, что партия может взять власть от имени рабочего класса.

мостоятельно, не советуясь с массами.

«В эпоху так называемого военного коммунизма, когда вся страна была превращена в осажденную крепость, когда главной задачей власти была организация вооруженного отпора противнику, когда нужно было в первую очередь быстро и решительно отбиваться от него, не столько обсуждать, сколько руководить в виде приказов и команды, по-военному, тогда совершенно естественно форма пролетарской диктатуры была формой военно-пролетарской диктатуры. Широкие органы Советской власти, пленумы Советов, фактически, на деле почти что отмерли, и руководство перешло исключительно к президиумам исполкомов, т. е. к узким коллегиям, к "тройкам", "пятеркам" и т. д. Очень часто, в особенности в местностях, близких к территории, занятой неприятелем, или в таких местностях, которые были под угрозой со стороны неприятеля, создавались, вместо "правильных" органов Советской власти, т. е. органов, действительно, на деле, выбранных всем трудящимся населением, местные так называемые "революционные комитеты" (ревкомы), которые, вместо того чтобы выносить вопрос на массовое обсуждение и на предварительное решение широких кругов трудящихся, действовали совершенно самостоятельно»¹⁶².

Исчезновение дискуссий и отсутствие коллективной выработки решений наблюдалось на заседаниях советов всех уровней. Начиная с 1918 года, съезд советов собирался лишь раз в год, хотя должен был – раз в квартал. Даже ЦИК советов не всегда принимал решения коллективно. Когда на VII съезде советов в декабре 1919 года представитель Коммунистического Бунда спросил, чем занимается ЦИК, Троцкий ответил ему: «ЦИК – на фронте!»

В итоге принятие решений и вся политическая жизнь вообще сосредоточились в руках партии большевиков. На VIII съезде РКП(б) Каменев заявил: «Теперь мы *управляем* Россией, и только через коммунистов можно управлять ею» (подчеркнуто нами).

Мы согласны с критикой, содержащейся в работе Розы Люксембург «Рукопись о русской революции»: «"Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть..." Этими словами Троцкий очень метко опровергает самого себя и своих друзей по партии. Именно потому, что это верно, они, подавляя общественную жизнь, перекрыли источник политического опыта и дальнейшего развития. [...] Именно гигантские задачи, к которым большевики подошли с мужеством и решительностью, потребовали самого интенсивного политического обучения масс и накопления опыта»¹⁶³.

В том же духе высказывались итальянские левые коммунисты, анализируя причины поражения революции в России: «Хотя Маркс, Эн-

¹⁶² Бухарин Н.И.. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз.

¹⁶³ Люксембург Р. Ук. соч. С. 327.

гельс и особенно Ленин нередко подчеркивали необходимость противопоставить государству пролетарское противоядие, одно только и способное предотвратить его перерождение, русская революция не только не поддерживает жизнь в классовых организациях пролетариата, но и выхолащивает их, интегрируя в государственный аппарат и уничтожая тем самым собственную сущность» (Вилан, №28).

Сохранение преобладания выходцев из рабочего класса в органах государственной власти (один представитель избирался в совет от 25 000 рабочих или от 125 000 крестьян) ничего не меняло, поскольку проблема заключалась как раз в интеграции рабочего класса в реакционный государственный аппарат. И когда пролетарская революция в Европе потерпела поражение, ничто, даже жесткий контроль партии большевиков, не могло помешать господствующему в мире капитализму подчинить себе российское государство и придать ему направленность прямо противоположную той, которой желали коммунисты: «Этого мы не хотим признать: оно [государство] действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»¹⁶⁴.

«Большевики опасались, как бы белогвардейцы и другие откровенно буржуазные силы не привели к торжеству контрреволюции, и защищали революцию от этой опасности. Они опасались реставрации частной собственности из-за сохранения мелкотоварного производства, в частности, на селе. Но главная угроза контрреволюции исходила не от «кулаков», не от рабочих, жестоко подавленных в Кронштадте, не от «заговорщиков-белогвардейцев», которых большевики считали организаторами этого восстания. Контрреволюция поднялась по трупам немецких рабочих, перебитых в 1919 году, и в полной мере проявила себя в бюрократическом аппарате того, что мыслилось как пролетарское “полугосударство”»¹⁶⁵.

Судьба процессов, начало которым положило октябрьское восстание 1917 года, решалась за пределами России. Как подчеркивала Роза Люксембург: «В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России...» Ключ к разрешению ее находился в руках мирового пролетариата. Но по мере подавления революционного подъема, положившего конец первой мировой войне, в России накапливались противоречия, делались отчаянные попытки найти выход,

¹⁶⁴ Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // ПСС. Т. 45. С. 86.

¹⁶⁵ См. нашу брошюру «Переходный период от капитализма к коммунизму».

когда стала ясна невозможность разрубить гордиев узел проблемы, распространив революцию на другие страны.

«Однако то роковое положение, в котором находятся ныне большевики, само является, вкупе с основной массой их ошибок, следствием принципиальной неразрешимости той проблемы, перед которой они поставлены международным, в первую очередь, германским пролетариатом. Осуществить пролетарскую диктатуру и социалистической переворот в одной отдельной стране, окруженной со всех сторон жестким господством империалистической реакции, вокруг которой бушует самая кровавая во всей истории человечества мировая война, это – квадратура круга. Любая социалистическая партия должна была бы потерпеть неудачу в решении этой задачи и погибнуть – все равно, делает ли она путеводной звездой своей политики волю к победе и веру в интернациональный социализм или же самоотречение»¹⁶⁶.

Революция 1917 года представляет собой важнейший и богатейший опыт в истории рабочего движения. Будущая революционная борьба не сможет обойтись без усвоения ее уроков. И первым из них является наглядное подтверждение того, что старый марксистский призыв: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* – не просто «красивые слова», а первое, жизненно необходимое условие победы коммунистической революции. Международная изоляция обрекает ее на верную гибель.

(По материалам «Ревю энтернасьональ», № 89)

¹⁶⁶ Люксембург Р. Трагедия русской революции // Люксембург Р. Ук. соч. С. 305.

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ

Со времени первой мировой войны капитализм является общественной системой, находящейся в состоянии упадка. Он дважды ввергал человечество в варварский цикл: кризис-мировая война-восстановление-новый кризис. В 80-х годах он вступил в заключительную фазу своего упадка — фазу распада. Этот необратимый исторический упадок порождает лишь одну альтернативу: социализм или варварство, мировая коммунистическая революция или уничтожение человечества.

1 - Парижская Коммуна 1871 года представляла собой первую попытку пролетариата осуществить такую революцию в период, когда условия для неё ещё не созрели. Как только начало капиталистического упадка привело к возникновению этих условий, Октябрьская революция 1917 г. в России явилась первым шагом к подлинной всемирной коммунистической революции в ситуации международного революционного подъёма, который положил конец империалистической войне и затем продолжался ещё на протяжении нескольких лет. Спад этой революционной волны, в особенности, в Германии в 1919-1923 гг., обрёл российскую революцию на изоляцию и быстрое вырождение. Сталинизм стал не продуктом российской революции, а её могильщиком.

2 - Этатистские режимы, которые возникли в СССР, Восточной Европе, Китае, Кубе и других странах и именовались «социалистическими» или «коммунистическими», представляли собой лишь крайнее проявление всеобщей тенденции к развитию государственного капитализма, являющейся одной из главных характеристик периода упадка.

3 - С начала XX столетия все войны носят империалистический характер, отражая ожесточённую борьбу между государствами, большими и малыми, которая ведётся с целью захвата или удержания позиций на мировой арене. Эти войны не приносят человечеству ничего, кроме смерти и разрушения во всё больших масштабах. Рабочий класс может отвечать на них лишь своей интернациональной солидарностью и борьбой против буржуазии во всех странах.

4 - Все националистические идеологии («национальная независимость», «право наций на самоопределение» и т. д.), какими бы аргументами — этническими, историческими или религиозными — они ни оперировали, представляют собой настоящий яд для трудящихся. Призывая последних стать на сторону той или иной фракции буржуазии, такого рода идеологии разделяют их и толкают к истреблению друг друга в интересах затевающих войны эксплуататоров.

5 - В условиях упадочного капитализма парламент и выборы есть не более чем маскарад. Любой призыв к участию в парламентском цирке способен лишь подыграть лжи, которая представляет выборы как реальный шанс для эксплуатируемых. «Демократия», особенно лицемерная форма буржуазного господства, не имеет коренных отличий от прочих форм капиталистической диктатуры, таких, как сталинизм и фашизм.

6 - Все фракции буржуазии являются в равной степени реакционными. Все так называемые «рабочие», «социалистические» и «коммунистические» (ныне экс-«коммунистические») партии, а также левацкие организации (троцкисты, маоисты и экс-маоисты, официальные анархисты) образуют левый фланг политического аппарата капитализма. Всевозможные тактики «народных фронтов», «антифашистских фронтов» и «единых фронтов», смешивающие интересы пролетариата с интересами какой-либо из фракций буржуазии, способствуют исключительно удушению и дезорганизации пролетарской борьбы.

7 - В условиях упадка капитализма произошло повсеместное превращение профсоюзов в органы капиталистического порядка в пролетарской среде. Различные формы профсоюзной организации, как «официальные», так и «низовые», лишь служат умирению рабочего класса и саботируют его борьбу.

8 - Чтобы добиться успеха в классовых битвах, рабочий класс должен объединиться в борьбе, расширяя и организуя её посредством суверенных генеральных ассамблей и делегатских комитетов, члены которых избираются этими ассамблеями и могут быть в любое время отозваны ими.

9 - Терроризм ни в коей мере не является методом борьбы рабочего класса. Будучи продуктом социального слоя, лишённого исторического будущего, результатом распада мелкой буржуазии, а иногда и прямым выражением перманентной войны между капиталистическими государствами, терроризм всегда служил удобным объектом манипулирования со стороны буржуазии. Апология секретных акций незначительных меньшинств прямо противоречит ориентации на классовое насилие, сознательное и организованное массовое действие пролетариата.

10 - Рабочий класс — единственный класс, который способен совершить коммунистическую революцию. Революционная борьба неизбежно приведёт его к столкновению с капиталистическим государством. Чтобы уничтожить капитализм, рабочий класс должен будет разрушить все существующие государства и установить в мировом масштабе диктатуру пролетариата: интернациональную власть рабочих советов, объединяющих всех пролетариев.

11 - Коммунистическое преобразование общества рабочими советами не означает «самоуправление» или огосударствление экономики. Коммунизм требует сознательного устранения рабочим классом общественных отношений капитализма: наёмного труда, товарного производства, национальных границ. Он означает создание мирового сообщества, в котором все виды деятельности будут направлены на полное удовлетворение человеческих потребностей.

12 - Революционная политическая организация составляет авангард рабочего класса и является активным фактором в процессе распространения и развития пролетарского классового сознания. Её роль состоит не в том, чтобы «организовать рабочий класс» или «взять власть» от его имени, а в том, чтобы активно участвовать в движении, направленном на объединение различных форм пролетарской борьбы, обретение рабочим классом самостоятельности в борьбе за свои интересы, и одновременно формулировать революционные политические цели пролетарского действия.

НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Политическое и теоретическое определение целей и методов пролетарской борьбы, её исторических и непосредственных условий.

Организованная, объединённая и централизованная на международном уровне деятельность с целью содействия процессу, ведущему к революционному действию пролетариата.

Работа по объединению революционеров, направленная на образование подлинной мировой коммунистической партии, которая необходима рабочему классу для низвержения капитализма и создания коммунистического общества.

НАШЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Позиции и деятельность революционных организаций являются продуктом опыта, накопленного в прошлом рабочим классом, и уроков, извлеченных из истории его политическими организациями. ИКТ ведёт своё происхождение от Союза коммунистов Маркса и Энгельса (1847-1852 гг.), трёх Интернационалов (Международного Товарищества Рабочих, 1864-1872 гг., Социалистического Интернационала, 1889-1914 гг., Коммунистического Интернационала, 1919-1928 гг.) и левых фракций, отколовшихся в 20-30-х гг. от вырождающегося Коминтерна, в частности, германских, голландских и итальянских левых коммунистов.

